

**МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**НАВОЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ**

На правах рукописи

Эрназарова Рафоат

Тема Востока и Запада в творчестве А.С.Пушкина

5A111301 – Русский язык и литература

Магистерская диссертация

Научный руководитель:

док. ф. н. Юсупов Т.Ж.

Навои-2013

Содержание

Введение	3
Глава 1. Тема типологии культур Востока и Запада в творческом наследии А.С.Пушкина	21
1.1.Пушкинский концепт русского мира. (к постановке проблемы)	21
1.2. А.С. Пушкин и его эпоха: «проблема человека» и русского национального характера в творчестве поэта	28
1.3. Запад и Восток в философско-историческом контексте русской литературы XIX века	33
Глава II. Концепция Востока в творчестве А.С.Пушкина	37
2.1. Развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина (к вопросу об исследованиях по творчеству поэта)	37
2.2. Арабский Восток и проявления ориентализма в творчестве поэта.(«Виноград» и «Подражания Корану»)	46
2.3. «Песнь о вещем Олеге» Пушкина и «Смерть Шанфария» Сенковского как инварианты мифологемы судьбы (в аспекте дихотомии "Запад—Восток")	55
Глава III. Тема типологии культур Запада как историко-литературная перспектива в творчестве А.С. Пушкина	69
3.1. «Литературные соприкосновения» России и Запада (Гёте и Пушкина)	69
3.2. «.. Я проклял знаний ложный свет...» тема Фауста в творчестве А.С. Пушкина.....	74
3.3 Влияние Западной цивилизации на конкретного человека (на примере романа в стихах «Евгений Онегин»)	83
3.4 Москва и Петербург как живая история и поэтические образы, составляющие русский мир.	92
Заключение	103
Литература.....	110

Введение

«До сих пор всякий, желающий говорить о Пушкине, должен, нам кажется, начать с извинения перед читателями, что он берется в том или ином отношении измерять эту неисчерпаемую глубину».

Слова эти, сказанные более ста лет назад, сохраняют свою справедливость до сих пор. И сейчас одно только ощущение неисчерпаемости этой глубины может служить извинением для всякого желающего говорить о Пушкине. Уже современники Пушкина отзывались о нем как о грандиозном, безусловном явлении. «Солнце нашей поэзии» - Россия навсегда запомнила эти слова Владимира Одоевского.

«При имени Пушкина, - сказал Н.В. Гоголь, - тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет» . Значение Пушкина в культуре, наверное, определяется прежде всего тем, что он глубже, свободнее, естественнее и гармоничнее всех ощущает божественную природу бытия и человека в трагическом противоречии с реальным человеческим существованием. Универсальная коллизия Пушкина — человек перед лицом высших ценностей.

В настоящее время по-новому **актуальной** становится проблема реального места гения в национальной истории, его роли в духовном самосознании народа, в судьбах нации, т.е. его исключительной миссии, особого исторического задания. Вслед за религиозно-философской критикой рубежа XIX-XX вв. (Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк), утверждавшей мысль, что «в Духе Святом... происходит то соединение благодати и свободы, которое мы видим в творчестве Пушкина» , пушкинский феномен как философскую и методологическую категорию

рассматривает в своих трудах В.С. Непомнящий. По мнению литературоведа, «чтобы гений Пушкина предстал перед нами во всей его яркости и жизненной полноте, необходимо рассматривать его... в онтологическом контексте как феномен бытия» .

При всем, почти необозримом, числе работ о творчестве А.С. Пушкина и ее многообразии, в них рассматриваются главным образом вопросы его генезиса и поэтики. В богатейшей литературе о Пушкине, пишет Белкин Д.И. «нет ни одной брошюры или монографии, где был бы специально прослежен непреходящий интерес поэта к Востоку и Западу»¹.

Работа над темой « Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина » в полной мере убедила автора в справедливости столь категоричного, на первый взгляд заявления Белкина Д.И. Вся имеющаяся литература о творчестве А.С. Пушкина, в том числе и отдельные статьи об интересе поэта к Востоку, в основном посвящены жизни и творчеству поэта, характеристики отдельных его произведений, или отмечает его благотворное влияние на творчество поэтов бывших союзных республик СССР².

Из работ, посвященных теме « Пушкин и Восток », следует назвать статью Белкина Д.И. «Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина». «Концепция Востока в творчестве А.С. Пушкина» ставит перед собой две задачи : установить источники, из которых А.С. Пушкин почерпнул сведения об арабском Востоке и проследить проявления ориентализма в творчестве поэта.

Д.И. Белкиным были изучены и исследованы работы по интересующим его вопросам и проанализированы соответствующие произведения Пушкина. На основе скрупулезного ознакомления с работами авторов исследователь по первой поставленной задаче приходит к выводу о том, что «восточная тематика переплетается у Пушкина с фактами его собственной биографии и истории его рода», т.е. автор считает, что в формировании ориентализма в

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т.5. 3-е изд. М., Наука, 1964.

² Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., Наука, 1981.

творчестве А.С. Пушкина определяющим явилось его генетическое родство с Востоком. Но чуть дальше, как бы возражая сам себе, заявляет, что «в творчестве А.С. Пушкина восточная тематика неразрывна с его поисками и апробацией стилевых и идейных возможностей романтизма . « восточный стиль», разработанный в Европе писателями-романтиками, был удачно воплощен русским поэтом в его южных поэмах ».

Известно, что «восточный стиль», разработанный писателями-романтиками Европы, был лишь формой к которой они прибегали, изображая героев, созданных их воображением. Поэтому зачастую эти образы страдают схематичностью, недостаточно правдиво передают душевные порывы людей. У Пушкина же образы всегда жизненны, т.к. взяты из реальной жизни, а изображаемые события пережиты им самим. Поэтому восточные образы Пушкина близки и понятны каждому человеку, восточному в особенности. Таков, например, образ Черкешенки из поэмы «Кавказский пленник».

Работа Д.И. Белкина, по мнению И.С. Брагинского, представляет определенную ценность, так как в ней впервые сделана попытка систематизировать материалы и библиографию вопроса.

Интересные сведения об ориентальной осведомленности А.С. Пушкина приводятся в диссертации Д.И. Белкина «Концепция Востока в творчестве Пушкина». В ней, по отзыву Н. Лобиковой, дана справедливая оценка основным критическим суждениям о восточных мотивах в творчестве А.С. Пушкина, подробно рассматривается образ прадеда Пушкина - Абрама Ганнибала и анализируется много новых материалов по исследуемой проблеме, расширяя наши представления о широте знаний Пушкина, о глубине его интереса к культуре Востока. Однако, как справедливо замечает Н. Лобикова, тема русского Востока (не говоря о Востоке в целом) в творчестве А.С. Пушкина еще не исчерпана и она требует специального, более глубокого исследования, особенно в свете сегодняшнего дня.

Статья М.Л. Нольмана «Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа»¹ посвящена анализу восточных мотивов в стихотворениях «Виноград» и «Подражания Корану», что выполнено достаточно квалифицированно. Особо следует отметить утверждение автора о том, что Пушкин в «Подражаниях Корану» воспевает становление человека, пусть еще не последовательной и слабой, но пробуждающейся личности.

В «Заметках о пушкинском западно-восточном синтезе» И.С. Брагинского² анализируются ориентальные моменты в лирике А.С. Пушкина. Как утверждает сам автор «Заметок» они носят сугубо предварительный характер и охватывают лишь «некоторые строки, почерпнутые при просмотре одного лишь первого тома полного собрания сочинения А.С. Пушкина».

Поднятая И.С. Брагинским проблема западно-восточного синтеза в лирике А.С. Пушкина, по сути является новым направлением в изучении все еще недостаточно разработанной темы «Пушкин и Восток». Ученый отмечает наличие ряда сложностей в разработке этой проблемы, главными из которых по мнению автора, являются недостаточная изученность и отсутствие систематизации самого материала. В целях успешного решения проблемы автор предлагает ряд практических мер.

По И.С. Брагинскому А.С. Пушкин не сразу пришел к Востоку. Первые попытки Пушкина использовать восточные мотивы в своих произведениях проявляются в неких «ориентальных моментах»³. Развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина ученый делит на периоды: Лицейский (1813-1817), Петербургский (1817-1820), Кавказский (1820-1824) и Михайловский (1824-1830). По мнению И.С. Брагинского в стихах Лицейского и Петербургского периодов Пушкина, «сильны отзвуки анакреонтических и эпикурейских мотивов Батюшкова, романтической музыки

---

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953-1959.

² Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1955.

³ Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М., 1964.

Жуковского, увлечения языческой греко-римской античной образностью», интерес к восточной теме еще «не большой»¹. Восточные мотивы, как отмечает И.С. Брагинский возникают только с начала его ссылки на Юг (1820) под воздействием встречи с живым Востоком. Но и в этот период согласно И.С. Брагинскому отзвуки ориентализма в большей мере носят внешний характер («Бахчисарайский фонтан»). В стихотворениях последующего периода отмечает ученый, отношение Пушкина к культурному наследию в корне меняется. Поэт от внешних восприятий переходит к показу глубинных элементов его культуры.

Заметки И.С. Брагинского содержат ценные сведения об источниках восточных мотивов в стихотворениях Пушкина. Литературоведческий анализ произведений Пушкина («Подражания Корану» и «Виноград»), выполненный И.С. Брагинским, как отмечает Нольман М.Л. «в равной мере важен и для востоковедов и для пушкинистов»².

Вместе с тем, в «Заметках» И.С. Брагинского на наш взгляд, не все является бесспорным. Включая стихи первого периода к группе с некими ориентальными моментами, автор в то же время приводит примеры (строчки, двустишья) из самых разных стихотворений («К Наталье», «Монах», «Пирующие студенты», «Тургеневу», «Орлову», «На Стурдзу») и поэма «Руслан и Людмила», которые по его же утверждению служат лишь «виньеточным украшением». Касаясь поэмы «Руслан и Людмила», учёный утверждает, что «подлинного ориентализма в ней по существу нет».

Как нам представляется, здесь в мыслях автора просматривается некоторое противоречие. Если первый период отличается «ориентальными моментами» и они подтверждаются соответствующими примерами, то как можно утверждать, что приведённые примеры не являются ориентальными. Автор «Заметок» был прав, характеризуя стихотворения первого периода творчества Пушкина как произведения периода «ориентальных моментов».

---

¹ Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Л., 1989.

² Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., Наука, 1999.

Было бы точнее если бы этот период охарактеризовать как «притяжение к Востоку. Восточная орнаментика». Тогда приведённые примеры уместно выступили бы в качестве восточных орнаментов. Следующее противоречие в мыслях автора «Заметок» в том, что приводя довольно пространные свидетельства о знакомстве Пушкина с творчеством Гёте, автор всё же сомневается был ли знаком Пушкин с «Западно-восточным диваном» Гёте. По этому поводу учёный Нольман М. Л. В статье «Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа» приводит неопровержимые аргументы, свидетельствующие о том, что Пушкин с «Диваном» Гёте был хорошо знаком. В частности, автор подчёркивает, что выход в свет «Дивана» Гете (1819) во всей Европе, в том числе и в России, вызвал широкий интерес. В России Кюхельбекер на основе этого «Дивана» составлял конспекты исторических данных об арабской и персидской поэзии, а Пушкин выступил с критическими статьями, в одной из которых он писал: «С дивною лёгкостью Гёте переносится из века в век, из одной части света в другую. в «Диване», сколько возможно, европейцу, никогда не бывавшему в Азии, - (он) персиянин»¹. И несмотря на это, И.С. Брагинский поддерживает самостоятельный приход Пушкина к западно-восточному синтезу: «Каждому свое, и у каждого великого поэта западно-восточный синтез выступает в неповторимо индивидуальном обличье»².

Работа Н. М. Лобиковой «Пушкин и Восток»³ посвящена специальному прослеживанию «непреходящего интереса поэта к Востоку, его народам и культуре». На сегодня это единственная брошюра, в которой исследуется тема «ориентализма» в творчестве А. С. Пушкина. Она написана в виде очерка и посвящена анализу поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Подражания Корану».

Лобикова Н.М., вслед за И.С. Брагинским считает, что «эта интереснейшая проблема до сих пор не достаточно изучена

---

¹ Дружинин А.В. Литературная критика. М., 1983

² Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., Наука, 1978.

³ Збарский И.С. «Но так и быть...» Пушкинские уроки учителя.

пушкиноведением»¹. При разработке «этой интереснейшей проблемы» автором выполнена большая работа. Проанализирован большой объём литературы, собран огромный фактический материал, изучены истоки притяжения Пушкина к Востоку, составлена богатая библиография и сделан анализ трёх выше названных главных произведений Пушкина из его восточного цикла.

К достоинствам работы Н.М.Лобиковой следует отнести то, что она замечание И.С.Брагинского об отсутствии ориентализма в поэме «Руслан и Людмила», считает «слишком категоричным». В подтверждении этого автор, на примере сопоставления поэмы «Руслан и Людмила» и сказок из «1001 ночи», наглядно демонстрирует наличие влияния арабских сказок на поэму Пушкина. Еще больше элементов «ориентализма» обнаруживается в поэме «Руслан и Людмила» при ее сопоставлении с поэмой «Бой Рустама с белым дивом» из знаменитой поэмы «Шах-наме» Абулькасыма Фирдоуси.

Работа Н.М. Лобиковой вместе с тем не лишена некоторых недостатков: это непоследовательность автора в отдельных высказываниях. Признавая за основу интереса Пушкина к Востоку «биографические предпосылки»² и указывая на то, что его прадед Абрам Петрович Ганнибал был выходцем из Северной Африки, принадлежал к знатному роду, автор однако не раскрывает, в чем проявилась его генетическая связь с Черной Африкой, не показывает каким образом его восточные корни повлияли на формирование его характера, образа мышления и становления как поэта. Имеет место также и искажения содержания мусульманского предания о ночном путешествии Мухаммеда на небо-«Миърадж», недостатком работы является и то, что при рассмотрении поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» автор не прибегает к сопоставлению ее с соответствующей поэмой «Шах-наме» Фирдавси. То же характерно и для анализа цикла стихотворения «Подражание Корану».

---

¹ Кантор В.К. Вечно женственное и русская культура // Октябрь, 2003, №11.

² Кантор В.К. Пушкин, или Формула русской истории // Вопросы философии, 1999, №7.

Из работ современных авторов, специально посвященных теме «Пушкин и Восток», можно прежде всего назвать статью Вали Самада «Хофиз ва Пушкин» («Хафиз и Пушкин»)¹. Автор хоть и не анализирует конкретных произведений Пушкина, написанных им в духе Хафиза, но некоторые факты, которые он приводит представляют большую ценность в определении источников притяжения (прямых и косвенных)

Пушкина к Востоку, в частности к поэзии Саади и Хафиза. Интересно в этом плане сообщение автора о встрече Пушкина на большой Грузинской дороге с азербайджанским поэтом Фазылханом (из Табриза), известным под псевдонимом Шайдо. Беседа Пушкина с Фазылханом длится долго, Пушкин, узнав о том, что Фазылхан тоже поэт задает много вопросов о Хафизе, Саади и о специфике и особенностях персидской поэзии. На прощание Фазылхан в качестве дара преподносит Пушкину подлинник дивана Хафиза. Между Пушкиным и Фазылханом завязывается переписка. Будучи в Петербурге Фазылхан всегда навещал Пушкина на дому. По сообщению отца Пушкина Сергея Львовича, поэт всегда встречал его как давнего и близкого друга. Автор статьи также сообщает о том, что Пушкин во время вторичного пребывания на Кавказе, в Тифлисе, знакомится с членами литературного кружка «Девони хикмат» («Философский диван»), куда входили поклонники поэзии Саади, Хафиза и Пушкина - Аббас Кулихан Бакиханов, Мирзо Шафех Возех, Мирза Фатали Ахундов (Литературный псевдоним Сабухи), армянский поэт Хачатур Абовян, немецкий поэт Ф. Бодэнштедт, поэт из Польши Тадеуш Ладозаблюцкий (1809-1847), русские поэты В. Полонский, П.Я. Петров и другие. Объектом обсуждения кружковцев были произведения Саади, Хафиза, Физули, Гете и Пушкина.

Примечательно приводимое автором высказывание одного из членов этой литературной группы Ф. Бодэнштедта: «Горячие и частые споры, возникавшие между Бакихановым, Полонским и Мирзо Шафет, приводили

---

¹ Пурцеладзе Н.Н. Об одной форме выражения пессимистической рефлексии в арабской поэзии. – Известия АН Грузии, серия языка и литературы 1-4, Тбилиси, 2001.

их в радостное возбуждение. Каждый из них, приводя примеры из Саади, Хафиза, Физули и Пушкина, старался доказать другому, что эти корифеи литературы являются живым олицетворением всей мудрости на земле».

Небезынтересно и другое сообщение автора о том, что член названного кружка русский поэт П.Я. Петров был известен под восточным псевдонимом «Ошик» («Влюбленный») и переводил лучшие газели Хафиза с подлинника. В одном из своих писем В.Г. Белинскому П.Я. Петров сообщал, что им переведены «Анвори Сухайли» и газели Хафиза и в подражании им написаны стихи на русском языке.

Имеются две статьи армянских ученых К.В. Айвазян и С.А. Гуллакян. Статья К.В. Айвазяна «Путешествие в Арзрум» Пушкина¹ по своей форме напоминает путевой очерк. В ней автор хронологически прослеживает путешествие А.С. Пушкина в Арзрум, сообщает об источниках знаний Пушкина об Армении, о его знакомстве с грузинскими поэтами Александром Чавчавадзе и Григорием Орбелиани, о поездке Пушкина из Тифлиса в Каре, его прибытии в село Перники (Парни), в город (лагерь) русских Каре и о трудностях его перехода.

Статья интересна тем, что в ней приведены достоверные факты о том, что Пушкин в своем путешествии в Арзрум не был посторонним наблюдателем войны русских с турками, а активно участвовал в ней. Он с оружием в руках принимал непосредственное участие в сражении 14 июня и только по настоянию майора Семичева, посланного генералом Раевским, он насильно был выведен из передовой цепи казаков. Автор статьи сообщает также и о том, что Пушкин в составе сводного уланского полка принимал участие в преследовании отступающего противника. Очень важны сведения автора о встрече Пушкина с сосланными декабристами Сухоруковым В.Д. и Коновницким П.П. и проявлении заботы о них. Из этой статьи становится известным, что Пушкин свое участие в сражениях против турков запечатлел

---

¹ Кожевников В.А. «Вся жизнь, вся душа, вся любовь...»: Перечитывая «Евгения Онегина»: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1993

в рисунке, где изобразил себя на коне с копьем в руке, в круглом шлеме и бурке. Участие в боевых действиях поэт описал в стихотворении «Делибаш».

Статья С.А. Гуляняна «К вопросу об источниках Гаврилиады»¹ проливает свет на тот факт, что при написании этой поэмы Пушкин воспользовался армянским преданием, о существовании которого долгое время пушкиноведы не знали. Автор показывает, как «армянское предание охватывает целый комплекс явлений, куда входит и оригинальное апокрифическое сказание, и своеобразная литературная интерпретация темы и наряду с ними - определенная живописная традиция отразившаяся в миниатюре»².

Становится очевидным то, что все последователи, чьи работы были предметом нашего изучения, признают наличие «западно-восточного синтеза» в творчестве Пушкина, и каждый из них в той или иной степени рассматривает аспекты этой очень большой и сложной, но весьма важной литературоведческой проблемы.

Понятно и то, что до настоящего времени разработка проблемы «Пушкин и Восток» или по выражению И.С. Брагинского «западно-восточный синтез» в творчестве А.С. Пушкина еще не завершена и ждет все новых исследователей. Все это и определило **актуальность** выбора данной темы. В настоящее время по-новому актуальной становится проблема реального места гения в национальной истории, его роли в духовном самосознании народа, в судьбах нации, т.е. его исключительной миссии, особого исторического задания

Объектом исследования выступают выдающиеся произведения где прослеживается западно-восточный синтез Проанализирован большой объём литературы, собран огромный фактический материал, изучены истоки притяжения Пушкина к Востоку и к Западу, составлена богатая

---

¹ Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции/Русская интеллигенция. История и судьба. М., Наука, 2001.

² Кошелев В.А. «Онегина воздушная громада...»: Образ времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»//Лит. в школе, 2004, №1

библиография и сделан анализ главных произведений Пушкина из его восточного и западного цикла.

Предметом исследования является художественная специфика восточных и западных мотивов в произведениях поэта.

Основная цель диссертации заключается в выявлении и показа идейно-эстетической сущности восприятия и художественного использования восточных и западных мотивов в творчестве А.С. Пушкина на фоне русской «ориенталистики» первой половины XIX века.

Поставленной целью определяется и необходимость решения **следующих задач:**

-- обоснование причины, побудившие поэта обратиться к Востоку и Западу — культуре и литературе Востока и Запада;

-- критический анализ работ, посвященных теме «Пушкин и Восток» или «западно-восточный синтез в творчестве А.С. Пушкина»;

-- изучение влияния современников и восточных поэтов на восприятие и развитие восточной и западной тематики в творчестве А.С. Пушкина;

-- определение функции восточных мотивов, текстов, аятов и сур Корана в цикле стихотворений «Подражания Корану».

Теоретическое значение диссертации заключается в выводах о восприятии Востока и восточных мотивов; о единстве корней цивилизации Востока и Запада; о новом тезисе в литературоведении - «восточно-западный синтез» наряду с «западно-восточным синтезом» в творчестве А.С. Пушкина.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью ее использования при изучении в общеобразовательных школах, в высших и средних профессиональных учебных заведениях творчества А.С. Пушкина и темы «Мир Востока и Запада в русской литературе», в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству Пушкина, при подготовке студенческих дипломных и курсовых работ и рефератов на филологических факультетах высших учебных заведений Республики Узбекистан.

Новый научный обиход «восточно-западный синтез» и дополнительные сопоставимые сведения о наличии восточного духа в произведениях А.С. Пушкина могут быть использованы как дополнения к комментариям соответствующих произведений поэта.

Настоящая диссертация посвящена исследованию вопроса «Восточные и Западные мотивы в творчестве А.С.Пушкина». Она охватывает «ориентальные» моменты в лирике А.С. Пушкина (выборочно); восточные мотивы в произведениях кавказского периода (выборочно); приход Пушкина к реализму; восточные основы сказок А.С. Пушкина.

При составлении плана диссертации и установления периодов творчества А.С. Пушкина диссертант исходил из определения, введенного И.С. Брагинским и наших соответствующих дополнений.

Методы исследования. Содержание и направление диссертационного исследования определили выбор методов и приемов работы. В качестве основных методов работы используются аналитический и сопоставительный. Такие параметры, как выборка материала, классификация и описание содержания произведений, сопоставление стали основными приемами исследования.

Теоретико-методологической основой исследования послужили научные труды по творчеству Пушкина: Ю.В. Манна, В.И. Сахарова, Л.А. Эмировой и З.Н. Акавова привлечены при изучении историко-литературного процесса первой половины XIX века.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов при разработке проблем истории русской литературы, в частности, связанных с творчеством Пушкина, а также вопросов ориентальной литературы первой половины XIX века.

Практическая ценность работы заключается в нацеленности ее результатов на преподавание в высших учебных заведениях: «Истории русской литературы», «Культурологии», разработку спецкурсов и

спецсеминаров по проблемам восточной и западной темы в русской литературе XIX века, научно-исследовательскую работу студентов по исследуемой проблематике.

Апробация материалов исследования проходила на заседаниях кафедры русского языка и литературы Навоийского государственного педагогического института, ежегодных (2011-2013) научных конференциях НавГПИ и семинарах магистрантов.

Структура работы обусловлена задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы

В первой главе «Тема типологии культур Востока и Запада в творческом наследии А.С.Пушкина» исследуется проблема пушкинского концепта русского мира. его эпоха: «проблема человека», и русского национального характера в творчестве поэта. Анализируется Запад и Восток в философско-историческом контексте русской литературы XIX века.

Вторая глава «Концепция Востока в творчестве А.С.Пушкина» рассматриваются развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина где представлен Арабский Восток и проявления ориентализма в творчестве поэта.(«Виноград» и «Подражания Корану»), утверждается единство корней цивилизации Востока и Запада; о новом тезисе в литературоведении - «восточно-западный синтез» наряду с «западно-восточным синтезом» в творчестве А.С. Пушкина, далее приводится сравнение «Песнь о вещем Олеге» Пушкина и «Смерть Шанфария» Сенковского как инварианты мифологемы судьбы (в аспекте дихотомии "Запад—Восток")

Третья глава «Тема типологии культур Запада как историко-литературная перспектива в творчестве А.С. Пушкина» говорится о литературных «соприкосновениях» России и Запада (Гёте и Пушкина) описывается тема Фауста в творчестве А.С. Пушкина, влияние западной цивилизации на конкретного человека (роман Пушкина «Евгений Онегин») с любовью повествуется о Москве как историческом, духовном и культурным

центре России, как об аристократическом городе, . Петербург светский и европейский, который открыл «окно в Европу»

2 августа 1831 года Пушкин пишет свою знаменитую оду «Клеветникам России», ставшую ключевым моментом в осмыслении взаимоотношений России и Запада. Это стихотворение вместе с «Бородинской годовщиной» имело большее значение для национального самосознания России. В них Пушкин не дает ответов на те вопросы, которые он ставит. Здесь, как и везде, он остается художником, роль которого, в отличие от философа, заключается в том, чтобы с предельной ясностью поставить вопрос. А отвечать на этот вопрос каждый потом будет в меру своего разумения.

Ода «Клеветникам России» непосредственно обращена, как это видно уже из ее названия, к западным политикам, переменившим свое отношение к России через двадцать лет после разгрома наполеоновской армии и враждебно относившимся к России. За несколько месяцев до смерти Пушкин писал кн. Голицыну, сделавшему перевод стихотворения на французский язык: «Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны». «Отчего вы не перевели эту пьесу в свое время – я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты Депутатов». Здесь подразумеваются дерзкие и угрожающие, по мнению Пушкина, выступления депутатов во французской Палате по поводу поведения России в Польше.

Пушкин воспринимает их как прямой призыв к вооруженному нашествию Запада на Россию, и в памяти его сразу же неизбежно возникает жуткий призрак 1812 года. Пушкин и начинает свою оду с прямого обращения к этим «крикунам из Палаты Депутатов»:

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

За месяц до написания этих строк Пушкин высказывал ту же мысль в письме Вяземскому: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским».

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

«Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна», – так считал Пушкин. Напоминая Западу о том, что Россия сокрушила Наполеона и избавила мир от тирании, он тем самым окончательно отходит от своего более раннего наполеоновского культа. Теперь Пушкин мыслит исторически: великие личности по-прежнему привлекают его поэтическое внимание, но мысль его занята поиском неких подспудных закономерностей мировой истории, которые проявляют себя через этих выдающихся деятелей. А закономерность здесь заключалась в

том, что на Западе время от времени появляются завоеватели, которые объединяют его полностью или частично, после чего вторгаются в Россию или вмешиваются в ее внутренние дела.

Отношение Пушкина к Польше и полякам сформировалось рано и уже не претерпевало особых изменений до конца жизни. В сентябре 1812 года лицеисты провожают войска петербургского ополчения, проходящие через Царское Село, а в 1836 году, за полгода до смерти, Пушкин пишет, обращаясь к лицейским товарищам:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать шел мимо нас...

Наполеон отводил Варшавскому княжеству особую роль в войне против России; оно было «передовым форпостом» на этом рубеже. Поляки же тут преследовали собственные цели, надеясь отвоевать обратно свои литовские, белорусские и украинские земли и восстановить Польшу «от моря до моря».

Отношения России с Польшей Пушкин считал только внутренним делом России и занял непримиримую позицию во время польского восстания в 1830 году. Однако этот умнейший человек и великий гуманист пишет в одном из своих писем: «мы можем только жалеть поляков, мы слишком могущественны, чтобы их ненавидеть».

Это изречение – неплохой пример знаменитой пушкинской лаконичности, сочетающейся с глубиной мысли. Это замечание о жалости к полякам совсем не было чем-то случайным, вызванным мимолетным настроением. Пушкин не питал никаких польских симпатий и твердо считал независимость Польши угрозой для русской государственности, но это не

мешало ему при случае выражать свое сочувствие и сострадание к полякам. Особенно это стало заметно после того, как Варшава уже была взята русскими войсками, и можно было наконец проявить «милость к падшим»:

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их.

Пушкин мечтает о добровольном воссоединении славянских государств во главе с Россией, заслужившей эту роль ценой невероятных потерь и страданий, спасая Европу от покорителей:

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою,
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Глубокое государственное мышление зрелого Пушкина отмечали многие современники. Мицкевич писал об этом: «слушая его рассуждения об иностранной или внутренней политике его страны, можно было принять

его за человека, поседевшего в трудах на общественном поприще и ежедневно читающего отчеты всех парламентов».

Глава 1. Тема типологии культур Востока и Запада в творческом наследии А.С.Пушкина

1.1.Пушкинский концепт русского мира. (к постановке проблемы)

Картина мира - это «система интуитивных представлений о реальности». Термин «картина мира» (Weltbild) впервые был введен Людвигом Витгенштейном в «Логико-философском трактате», но в антропологию и семиотику он пришел из трудов немецкого ученого Лео Вайсгербера (1899 – 1985).

«Картину мира можно выделить, описать или реконструировать - от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности» , - пишет В.П. Руднев. При этом своя картина мира существует в каждом отрезке исторического времени, но в то же время есть и универсальная картина мира, свойственная всему человечеству. Правда, она довольно абстрактна, так как у каждого народа существуют свои представления о добре и зле, о нормах и ценностях. Что касается отдельной личности, то картина мира будет детерминирована, прежде всего, индивидуальным характером.

Говоря о представлениях, о мире в XIX веке, нельзя не отметить самое фундаментальное традиционное философское противопоставление бытия и сознания. Картина мира была материалистической, «материальность мира и его бытие рассматривались как понятия тождественные». Бытие представлялось первичным, а сознание вторичным (большую роль в то время играли также «идеалистические попытки вывести бытие из акта сознания»). Нужно учесть и тот факт, что наблюдатель и наблюдаемое, какими они представляли в литературном произведении, противопоставались. Уже в искусстве XVIII в. субъектно-объектные отношения в тексте выводились за

пределы личности автора, совмещались с понятием истины, которую выражал художественный текст. Таким образом, создатель художественного произведения созерцал действительность не просто со стороны, а находился над ней, выступал в сознании читателя как всеведущий носитель оценок всего, о чем говорится в произведении. Читатель же, переживая текст произведения, как отмечает Ю.М. Лотман, «находится вне литературы» и оценивает произведение, сопоставляя его с жизнью, реконструируя в своем восприятии личность и сознание автора.

При всем, почти необозримом, числе работ о творчестве А.С. Пушкина и ее многообразии, в них рассматриваются главным образом вопросы его генезиса и поэтики. В богатейшей литературе о Пушкине, пишет Белкин Д.И. «нет ни одной брошюры или монографии, где был бы специально прослежен непреходящий интерес поэта к Востоку и Западу»¹.

Из работ таджикских авторов, специально посвященных теме «Пушкин и Восток», можно прежде всего назвать статью Вали Самада «Хофиз ва Пушкин» («Хафиз и Пушкин») Автор хоть и не анализирует конкретных произведений Пушкина, написанных им в духе Хафиза, но некоторые факты, которые он приводит представляют большую ценность в определении источников притяжения (прямых и косвенных) Пушкина к Востоку, в частности к поэзии Саади и Хафиза. Интересно в этом плане сообщение автора о встрече Пушкина на большой Грузинской дороге с азербайджанским поэтом Фазылханом (из Табриза), известным под псевдонимом Шайдо. Беседа Пушкина с Фазылханом длится долго, Пушкин, узнав о том, что Фазылхан тоже поэт задает много вопросов о Хафизе, Саади и о специфике и особенностях персидской поэзии. На прощание Фазылхан в качестве дара преподносит Пушкину подлинник дивана Хафиза. Между Пушкиным и Фазылханом завязывается переписка. Будучи в Петербурге Фазылхан всегда навещал Пушкина на дому. По сообщению отца Пушкина Сергея Львовича,

---

¹ Краткая литературная энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1971.

поэт всегда встречал его как давнего и близкого друга. Автор статьи также сообщает о том, что Пушкин во время вторичного пребывания на Кавказе, в Тифлисе, знакомится с членами литературного кружка «Девони хикмат» («Философский диван»), куда входили поклонники поэзии Саади, Хафиза и Пушкина - Аббас Кулихан Бакиханов, Мирзо Шафех Возех, Мирза Фатали Ахундов (Литературный псевдоним Сабухи), армянский поэт Хачатур Абовян, немецкий поэт Ф. Бодэнштедт, поэт из Польши Тадеуш Ладозаблюцкий (1809-1847), русские поэты В. Полонский, П.Я. Петров и другие. Объектом обсуждения кружковцев были произведения Саади, Хафиза, Физули, Гете и Пушкина.

Примечательно приводимое автором высказывание одного из членов этой литературной группы Ф. Бодэнштедта: «Горячие и частые споры, возникавшие между Бакихановым, Полонским и Мирзо Шафет, приводили их в радостное возбуждение. Каждый из них, приводя примеры из Саади, Хафиза, Физули и Пушкина, старался доказать другому, что эти корифеи литературы являются живым олицетворением всей мудрости на земле».

Небезынтересно и другое сообщение автора о том, что член названного кружка русский поэт П.Я. Петров был известен под восточным псевдонимом «Ошик» («Влюбленный») и переводил лучшие газели Хафиза с подлинника. В одном из своих писем В.Г. Белинскому П.Я. Петров сообщал, что им переведены «Анвори Сухайли» и газели Хафиза и в подражании им написаны стихи на русском языке.

Автор творчески воспринимает мир, проникая в его суть мыслью, чувствами и переживаниями художника, в своем творчестве он осмысливает и воспроизводит мир во всем его многообразии. И в этом смысле творчество Пушкина, как верно отметил С.С. Аверинцев, «дает читателю переживание... особой гармонии между формой и содержанием – между движением стиха, с одной стороны, и предметом изображения, с другой стороны»¹. Для

---

¹ Аверинцев С.С. Гете и Пушкин// Новый мир, 1999, №6.

творчества Пушкина действительно характерно особое гармоничное философское видение мира. Бытие для него – непостижимая тайна, каждая человеческая душа – тоже тайна. И поэт пристально наблюдает за человеком, оказавшимся перед лицом онтологических ценностей, а «художественной точкой зрения», как обоснованно указал Ю.М. Лотман, становится «отношение истины к изображаемому миру»¹.

По образному выражению В.С. Непомнящего, в пушкинском мире, «свет истины, общей для всех, заставляет тени ложиться в точном соответствии с действительным положением вещей». «Божественная свобода» Пушкина простирается очень далеко: в его видении мира нет ничего осуждаемого, однозначно отрицательного. Если и есть что-то действительно трагическое в его мироощущении, так это то, что истина беззащитна, ею легко пренебречь, потому что она известна всем. Л.А. Коган также обращает внимание на этот факт и указывает на то, что высокое назначение творца – быть «первопроходцем на пути к истине», как духовный учитель он «призван ставить вопросы, пробуждающие и просветляющие человека, предвидеть и облегчать их решение». Нельзя не согласиться с исследователями: философия поэзии Пушкина состоит именно в ее общечеловеческой, правдоискательской направленности, в своем художественном мироощущении он стремится к сокровенному и возвышенному. Бытие выступает перед творцом как некая сверхзадача, а поскольку бытие неисчерпаемо, у поэзии нет и не может быть последнего слова.

О том, что пушкинская поэзия является фактом глубинного и полного осмысления бытия, писал Н.О. Лосский: «Даже в изображении... обыденной действительности он умеет достигнуть такой многосторонности и гармонии, такого синтеза, в силу которых... творение его фантазии оказывается таким

---

¹ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М., Просвещение, 1988.

же содержательным и полным смысла, трудно постижимого нами, как и сама мировая действительность»¹. Поддерживая это высказывание, добавим, что основа творческой силы и подлинной свободы поэта в видении «мировой действительности» – это «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» («Два чувства дивно близки нам...», 1830 г.). Доказательством этой мысли может служить высказывание С.Л. Франка: «Укорененность в родной почве, ведя к расцвету духовной жизни, тем самым расширяет человеческий дух и делает его восприимчивым ко всему общечеловеческому. Этот мотив проникает и всю поэзию, и всю мысль Пушкина»². В этом и состоит народность поэта. И эта народность совсем не предполагает замкнутости от чужих влияний, обособленности национальной культуры. Современный исследователь А. Панарин справедливо отмечает, что «проблему российской самобытности, своеобразия национальной судьбы Пушкин решал не в этнографическом ключе, а в историческом и цивилизационном».

В настоящее время исследователями актуализируется высказанная еще русскими символистами и западноевропейскими философами мысль о том, что «два противоположных начала» якобы «легли в основу формации русской души»: «природная, языческая стихия и аскетически-монашеское православие». В этом схематизированном концепте «загадочной русской души» упущено, может быть, самое существенное, что было так чутко и точно угадано русским гением. Ведь Пушкин видит в России онтологически и эстетически закономерное, драматически сложное и мощное движение от язычества к православной цивилизации. В противоположность западному потребительскому мировоззрению, его культу «материального» человека Пушкин «судит о людях и народах не по критериям развитости или неразвитости, успеха или неуспеха, а по универсальным критериям духовного плана». Эта истинно христианская позиция стала источником силы поэта и его творческой самостоятельности. Как верно отмечает В.К.

---

¹ Философский словарь/Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986.

² Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., Согласие, 1999.

Кантор, критерием Пушкина при подходе к изображению любого социального слоя российского государства были ценности цивилизации, так как она «была той высшей точкой, движение к которой объединяло и в этом смысле уравнивало народы, разные по национальности и по уровню развития».

Широко известно признание Пушкина в письме к П.Я. Чаадаеву, которое в полной мере характеризует отношение поэта к особенностям русской истории: «... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора - меня раздражают, как человек с предрассудками - я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»¹.

Пушкин вмещает весь космос народного духа со всеми его гранями и оттенками - и поэтому он так же не укладывается в определения, как и то, что называют «русской духовностью». В.С. Непомнящий очень тонко определил сущность пушкинского гения: «Из гигантов мировой культуры лишь он один соединяет в себе предельную недоступность с предельной же фамильяризованностью, царственный статус с родственной близостью каждому...»

Россия знаменовала для Пушкина нелегкую, но плодотворную встречу разных пространств, разных жизненных укладов, народов, верований, языков, человеческих характеров. Пушкин твердо убежден в своеобразии русского мира, в существенном отличии между историей России и историей Западной Европы. Никогда не переступив западной границы России, Пушкин воспринял западную культуру, воспитывался сначала на Вольтере и французской литературе, потом на Байроне, Шекспире, Гете... Но в его душе утонченность влияния европейской культуры уживалась с «русским духом».

---

¹ Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., Наука, 1981.

Мы говорим о гениальной способности Пушкина к синтезу, примиряющему противоположности, открывающему широкие духовные и исторические перспективы. Он защищает ценность русской культуры, но утверждает и необходимость западной культуры для России. «В искусстве, ... в художественном творчестве он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо»¹, - утверждал Ф.М. Достоевский.

Говоря о романе в стихах «Евгений Онегин», мы понимаем, что это «произведение не только о любви, но и о судьбах России». Сюжет его строится на притяжении-противостоянии «героя века», скованного «европейским» воспитанием, усвоившего чуждое России мировоззрение, - и уездной барышни, оставшейся русской по своим идеалам, жизненным и религиозным представлениям, несмотря на французский язык и английские романы. Само это притяжение-противостояние (Запад – Россия) включает в себе огромный исторический смысл. Проблему судьбы России и русского человека, проблему всемирно-исторического масштаба решает в своем произведении великий поэт.

---

¹ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., Наука, 1969.

1.2. А.С. Пушкин и его эпоха: «проблема человека» и русского национального характера в творчестве поэта

Впервые тип человека, созданный временем, Пушкин запечатлел в характере пленника в поэме «Кавказский пленник» (1821), показав равнодушие к жизни, к ее радостям, «старость души», которые сделались отличительными чертами молодых людей его времени. Впоследствии Пушкина начинает преследовать мысль запечатлеть новый тип молодого современника в поэтическом образе, и этот тип представляется ему уже яснее, чем в пору создания «Кавказского пленника». В творчестве Пушкина «шло становление реалистического стиля в споре, взаимопритяжении, взаимообогащении и взаимоотталкивании со стилем высокого романтизма. К роману в стихах Пушкина вело внутреннее развитие его гения и все развитие русской литературы»¹.

В начале XIX века ведущее место в литературе начинает занимать жанр романа, который вытесняет эпическую поэму. Еще Гегель и Бальзак (а в России – В.Г. Белинский) определяли роман как эпос частной жизни, в то время как эпическую поэму характеризуют «нераздельность индивидуальной и народной души» (А. Веселовский) и такие инициативные действия героя, которые стимулировались общенациональными, государственными идеалами и целями». В сравнении с поэмой эпической (античной, средневековой), а также романтической, где действуют исключительные, возвышенные лица, роман XVIII и XIX вв. - жанр не высокий, а прозаичный, точнее, прозаизированный. В нем появляется особый тип героя, который, как отмечал М.М. Бахтин, «формулируя отчетливо индивидуальные принципы частного и общего поведения, ...выражает неудовлетворенность образом жизни большинства». Конфликт с обществом открывает зависимость личности от общественных коллизий, которые она, как правило, преодолеть

---

¹ Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., Наука, 1981.

не в силах и удаляется от общества в поисках самой себя. Образцы нового западноевропейского романа с его новым типом героя учитывались Пушкиным при создании его «Онегина». Это роман «Рене» Р. Шатобриана, «Мельмот-скиталец» Ч. Мэтьюрина, «Адольф» Б. Констана и, конечно, произведения Дж. Г. Байрона, такие, как поэма «Паломничество Чайльда-Гарольда» и стихотворный роман «Дон-Жуан».

В ходе написания романа «Евгений Онегин» и его публикации менялся автор, менялся читатель, менялась эпоха. Замысел первой главы романа возник в Кишиневе в связи с постоянным и тесным общением с декабристским кружком Орлова и Раевского. По наблюдению Ю.М. Лотмана, «одной из характерных сторон пушкинского творчества 1822-1823 гг., наряду с тяготением к гражданственной тематике, ...является обострение интереса к сатире», который «находился в русле развития передовой литературы той эпохи». Исследователь отмечает, что замысел «Евгения Онегина» первоначально намечался в плане сатирического противопоставления светского общества и светского героя высокому авторскому идеалу: поэт стремился «создать сатирический образ представителя «изнеженного племени переродившихся славян».

В своей книге «Роман Пушкина «Евгений Онегин» Г.П. Макогоненко отмечает, что «типичными чертами характера молодого человека этой поры было недовольство, равнодушие, охлажденность души»¹. Центральной темой романа «Евгений Онегин» явилась судьба героя времени, его духовно-нравственное самоопределение, неудовлетворенность сущим и поиски места в жизни. Определяющей чертой своего поколения и его судьбы, смыслом его исторической драмы Пушкин считал трагическое противоречие между огромными скрытыми возможностями личности и ее общественной невостребованностью. В своих современниках (Чаадаеве, Каверине, Пушкине) поэт видел «выдающихся русских людей эпического масштаба», которые в

---

¹ Макогоненко Г.П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М., ГИХЛ, 1968.

большом свете вынуждены были вести жизнь заурядных людей - помещиков, офицеров, чиновников. Это было следствием колоссального трагического разрыва двух сословий и двух Россией.

Душевный мир героя может раскрыться перед нами при сопоставлении мира Онегина с миром привлекающих его внимание книжных образов. Автор не раз сопоставляет Онегина с байроновским Чайльд-Гарольдом: «Гарольдов плащ» - символ байронического разочарования в мире и в людях – становится важнейшей приметой героя в романе. Вспомним эти случаи сопоставления: «Как Child-Harold, угрюмый, томный, В гостиных появлялся он...» В IV главе: «Прямым Онегин Чильд Гарольдом Вдался в задумчивую лень...» (Пушкин V, 94) В VII главе упоминается «лорда Байрона портрет», который видит Татьяна в кабинете Онегина, и то, что «певца Гяура и Жуана» он «из опалы исключил» (Пушкин V, 149). Продолжая этот ряд, можно упомянуть появление Онегина в VIII главе перед встречей с «законодательницей зал» Татьяной: «Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой...» (Пушкин V, 168). Смысл этих настойчивых сопоставлений, по верному наблюдению Г.Г. Красухина, состоит в следующем: «Онегин ориентируется на Чайльд-Гарольда... эта черта характеризует тогдашнее время, она – его яркая примета. Мы помним, что первая глава описывает светскую жизнь петербургского молодого человека в конце 1819 года. А в то время Чайльд-Гарольд был кумиром молодежи».

Однако характеры Чайльд-Гарольда и Онегина неоднородны, о чем писал в 1859 г. А. Григорьев: «Мрачный сплин и язвительный скептицизм Чайльд-Гарольда заменился в лице Онегина... тоскою человека, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрее своих идеалов, который наделен критической способностью здорового русского смысла... который – критик,

потому что даровит, а не потому, что озлоблен»¹. И тем не менее, сравнение Онегина с разочарованным героем Байрона автор проводит почти до конца романа. Почему? Возможно, здесь имеет место явление, которое литературовед А.М. Гуревич обозначил как «поэтика подразумеваний». «Автор для прояснения и конкретизации романских ситуаций, мотивов поступков... своих героев, или же для углубления их психологической характеристики, более полного раскрытия... сути их жизненной позиции... проводит явные или скрытые параллели между «чужими» персонажами и героями своего романа в стихах». Судьбы героев действительно разворачиваются в сложном пересечении литературных реминисценций. Руссо, Сталь, Ричардсон, Байрон, Констан – далеко не полный список авторов, «чьи тексты составляют фон, в проекции на который обрисовывается судьба героев». В этом смысле мы можем говорить об «интертекстуальной» картине мира, которая в пушкинском художественном мире служит задаче изображения духовного мира человека.

Собственно говоря, вся проблема духовной жизни или духовной смерти человека предстает у Пушкина как проблема русского мыслящего человека: его назначения, его роли в судьбах страны и народа. Драматизм этой проблемы в литературе был реальным драматизмом становления и существования личности в сложных условиях послепетровской России. Создание Онегина и его литературных «потомков» (Печорина, Бельтова, Рудина, Обломова...), как справедливо заметил В.С. Непомнящий, «суть акты беспощадной требовательности русского мыслящего человека к себе, предельной интеллектуальной отваги, величайшей совестливости и духовной высоты».

Попытки концептуального художественного, социально-исторического и этического осмысления и построения русского национального характера заметно активизировались уже в XVIII веке. С проблемой национального

---

¹ Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М., 1964.

характера оказалась тесно связана проблема народности. Тема народности вошла в роман «Евгений Онегин» именно как положительное начало, противостоящее европейской индивидуалистической культуре. Романтический индивидуализм, конечно, позволял порывать с «толпой», с ее моралью и законами, но, отделяя человека от всего мира, ожесточал его. И Пушкин указывает на существование духовной, национальной, исторической общности людей, определяющей основы истинной человеческой морали. Онегин отделен от этой общности, от истинно русского мира, и именно в этом его драма.

Автор «Евгения Онегина» понимал, что он участвует в решении задачи, поставленной самой историей. Сам он был одним из первых и крупнейших представителей новой категории русских людей, и, значит, его внутренний опыт имел важное историческое значение. Проблемой, волнующей автора, становится проблема человека. Но со свойственной ему совестливостью и глубоким внутренним прозрением поэт ставит эту проблему и перед самим собой. Об этом очень точно сказал В.С. Непомнящий: «тончайшая и сложнейшая художественная структура романа... отмечена — при феноменальном многообразии — необычайной монолитностью. Это значит, помимо прочего, что роман написан о себе, о своей устремленности». По мнению исследователя, именно «интерес проблемы» является формообразующим и жанрообразующим фактором, строит архитектонику и поэтику романа... Это делает роман насквозь значимой поэтической системой, сплошным сюжетом, иначе говоря — «большим стихотворением»¹.

---

¹ Непомнящий В.С. Книга, обращенная к нам: «Евгений Онегин» как «проблемный роман»//Москва, 1999, №6.

1.3. Запад и Восток в философско-историческом контексте русской литературы XIX века

Россия объединяет народы разных этносов и конфессий, в том числе и народы, связанные с исламской культурой, которых по традиции называют "восточными". По справедливому утверждению Вяч. Вс. Иванова, русская литература, "русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, делящейся в опыте современности"¹.

Особенности русской цивилизации, соединяющей в себе Запад и Восток, христианство и ислам, Библию и Коран, нашли отражение в произведениях русских писателей и поэтов, в истории русской литературы и культуры. Интерес к Востоку - давняя благородная традиция русской классической литературы. Этот богатейший материал может быть использован современными учителями и методистами для реализации нового подхода к изучению русской словесности, выражающегося в диалоге культур разных народов и цивилизаций, диалоге русской и родной культур.

С исламским Востоком, с Кораном тесно связано творчество великого русского поэта А. С. Пушкина. Пушкин дружил с выдающимся востоковедом Н. Я. Бичуриным (о. Иакинфом), в личной библиотеке поэта сохранились многие книги по литературе и философии Востока. Восток привлекал русского поэта на протяжении всего его творчества: "Южные поэмы" Пушкина, да и "Руслан" весь преисполнен восточных мотивов: Черноморская звезда (и сказки Пушкина - восточные: Салтан-султан, Шемаханская царица в паре со звездочетом...); райские сады Черномора, где Людмила - что гурия в исламском раю-гареме; Ратмир - хан и т.п. Даже "Песнь о вещем Олеге" идею восточно-исламской Судьбы и предопределения изъясняет... В

---

¹ Недзвецкий В.А. Пушкин как всемирный гений//Русская словесность, 1999, №4.

"Бахчисарайском фонтане" - уже успокоенный, сладострастный ислам и быт неги; красота небесная побеждает земно-страстную любовь чувственную"¹.

С Кораном А. С. Пушкин познакомился в 1825 году в Михайловском в переводе М. И. Веревкина, обладавшего художественным даром и мастерски выполнившего взятую на себя задачу. Коран открыл поэту новый, интересный и необычный для русского человека мир:

В пещере тайной, в день гоненья,

Читал я сладостный Коран.

Внезапно ангел утешенья,

Влетев, принес мне талисман.

Этот мир раскрывается А. С. Пушкиным в цикле стихотворений "Подражания Корану", в котором он не просто фиксировал содержание и структуру священной книги мусульман, но и нашел новые идеи, образы, чувства, которые стали составной частью его мировоззрения и творчества.

Очевидно не только внешнее, но и внутреннее сходство стихотворения А. С. Пушкина "Пророк" с ветхозаветной традицией: в основе сюжета лежит библейская история о пророке Исае. По мнению исследователей, сюжет стихотворения близок и восточному преданию об избрании пророка Мухаммеда: "Начальную строку 94 суры Корана "Разве мы не раскрыли тебе твою грудь?" (пер. И. Ю. Крачковского) стали понимать так, что ангелы по приказу Аллаха вынули у Мухаммеда из груди сердце. Вероятно, это толкование, известное А. С. Пушкину, могло войти составной частью в замысел "Пророка" .

Верность следования духу Корана у Пушкина можно подтвердить и анализом формы изложения стихотворения "Пророк". В священных книгах иудеев и христиан (Торе и Евангелии) повествование ведется от третьего лица: кто-то доводит до верующего заповеди Бога. В Коране Аллах говорит от первого лица: в этом прямом, непосредственном обращении заключена та

---

¹ Нольман М.Л. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа. Л., 1978.

огромная духовно-нравственная сила воздействия, которую испытывает читатель священной книги мусульман. Пушкин, как поэт, оценил выразительные возможности Корана и воспользовался этой формой в заключительных строках "Пророка", которые содержат прямую речь Бога, обращенную к пророку (поэту):

...И бога глас ко мне воззвал:

"Встань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей".

Стихотворения "Подражания Корану" и "Пророк" являются свидетельством глубины исторической интуиции великого русского поэта, уловившего родство двух воспринятых им культурных традиций. Ф. М. Достоевский в своей речи по случаю открытия в Москве памятника русскому поэту говорил: "Пушкин лишь один из мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность"¹. Пушкин внес решающий вклад в то, чтобы при сопоставлениях христианства и ислама выйти из антиномии "свое - чужое", надолго определил отношение русской литературы к исламу.

Отношение Пушкина к восточному (шире - инонациональному) миру становится своеобразным камертоном, по которому настраивается поэтика творчества поэта-футуриста Велемира Хлебникова. В поэме "Хаджи-Тархан" Хлебников пишет:

Ах, мусульмане, те же русские,

И русским может быть ислам.

Милы глаза, немного узкие,

Как чуть открытый ставень рам.

---

¹ Розенфельд А.З. Об одном крылатом выражении у А.С. Пушкина. – Народы Азии и Африки. 1976, №6.

Это парадоксальное высказывание поэта является образно-поэтическим выражением идеи взаимопонимания, взаимной любви и дружбы народов.

В своем творчестве Хлебников неоднократно обращался к теме Востока, родству судеб и духовного мира народов России. Первоначальный интерес к Востоку возник у него в раннем детстве - в калмыцких степях, в Астрахани, развился и окреп в Казани, где поэт прожил почти одиннадцать лет. В Казани поэт окончил третью гимназию (1898 - 1903), учился в университете (1903 - 1908), написал первые научные работы и первые стихи.

Хлебников, хорошо знавший историю Казанского края, народные легенды и древние поверья, обращается к реальному и легендарному прошлому татарского народа, яркими мазками воссоздавая страницы героического прошлого, размышляя о нем:

Казани страж-игла Сумбеки,
Там лились слез и крови реки.
Там голубь, теменем курчав,
Своих друзей опередил
И падал на землю стремглав,
Полет на облаке чертил.

Глава II. Концепция Востока в творчестве А.С.Пушкина

2.1. Развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина

(к вопросу об исследованиях по творчеству поэта)

При всем, почти необозримом, числе работ о творчестве А.С. Пушкина и ее многообразии, в них рассматриваются главным образом вопросы его генезиса и поэтики. В богатейшей литературе о Пушкине, пишет Белкин Д.И. «нет ни одной брошюры или монографии, где был бы специально прослежен непреходящий интерес поэта к Востоку».

Работа над темой «Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина» в полной мере убедила автора в справедливости столь категоричного, на первый взгляд заявления Белкина Д.И. Вся имеющаяся литература о творчестве А.С. Пушкина, в том числе и отдельные статьи об интересе поэта к Востоку, в основном посвящены жизни и творчеству поэта, характеристики отдельных его произведений, или отмечает его благотворное влияние на творчество поэтов бывших союзных республик СССР.

Из работ, посвященных теме «Пушкин и Восток», следует назвать статью Белкина Д.И. «Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина». «Концепция Востока в творчестве А.С. Пушкина»¹ ставит перед собой две задачи : установить источники, из которых А.С. Пушкин почерпнул сведения об арабском Востоке и проследить проявления ориентализма в творчестве поэта.

Д.И. Белкиным были изучены и исследованы работы по интересующим его вопросам и проанализированы соответствующие произведения Пушкина. На основе скрупулезного ознакомления с работами авторов дореволюционного и послереволюционного периодов исследователь по первой поставленной задаче приходит к выводу о том, что «восточная

---

¹ Белкина Д.И. Концепция Востока в творчестве Пушкина. Диссертация

тематика переплетается у Пушкина с фактами его собственной биографии и истории его рода», т.е. автор считает, что в формировании ориентализма в творчестве А.С. Пушкина определяющим явилось его генетическое родство с Востоком. Но чуть дальше, как бы возражая сам себе, заявляет, что «в творчестве А.С. Пушкина восточная тематика неразрывна с его поисками и апробацией стилевых и идейных возможностей романтизма . « восточный стиль», разработанный в Европе писателями-романтиками, был удачно воплощен русским поэтом в его южных поэмах ».

Известно, что «восточный стиль», разработанный писателями-романтиками Европы, был лишь формой, к которой они прибегали, изображая героев, созданных их воображением. Поэтому зачастую эти образы страдают схематичностью, недостаточно правдиво передают душевные порывы людей. У Пушкина же образы всегда жизненны, т.к. взяты из реальной жизни, а изображаемые события пережиты им самим. Поэтому восточные образы Пушкина близки и понятны каждому человеку, восточному в особенности. Таков, например, образ Черкешенки из поэмы «Кавказский пленник».

Работа Д.И. Белкина, по мнению И.С. Брагинского, представляет определенную ценность, так как в ней впервые сделана попытка систематизировать материалы и библиографию вопроса.

Интересные сведения об ориентальной осведомленности А.С. Пушкина приводятся в диссертации Д.И. Белкина «Концепция Востока в творчестве Пушкина». В ней, по отзыву Н. Лобиковой, дана справедливая оценка основным критическим суждениям о восточных мотивах в творчестве А.С. Пушкина, подробно рассматривается образ прадеда Пушкина - Абрама Ганнибала и анализируется много новых материалов по ирследуемой проблеме, расширяя наши представления о широте знаний Пушкина, о глубине его интереса к культуре Востока. Однако, как справедливо замечает Н. Лобикова, тема русского Востока (не говоря о Востоке в целом) в

творчестве А.С. Пушкина еще не исчерпана и она требует специального, более глубокого исследования, особенно в свете сегодняшнего дня.

Статья М.Л. Нольмана «Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа» посвящена анализу восточных мотивов в стихотворениях «Виноград» и «Подражания Корану», что выполнено достаточно квалифицированно. Особо следует отметить утверждение автора о том, что Пушкин в «Подражаниях Корану» воспевает становление человека, пусть еще не последовательной и слабой, но пробуждающейся личности.

В «Заметках о пушкинском западно-восточном синтезе» И.С. Брагинского анализируются ориентальные моменты в лирике А.С. Пушкина. Как утверждает сам автор «Заметок» они носят сугубо предварительный характер и охватывают лишь «некоторые строки, почерпнутые при просмотре одного лишь первого тома полного собрания сочинения А.С. Пушкина».

Поднятая И.С. Брагинским проблема западно-восточного синтеза в лирике А.С. Пушкина, по сути является новым направлением в изучении все еще недостаточно разработанной темы «Пушкин и Восток». Ученый отмечает наличие ряда сложностей в разработке этой проблемы, главными из которых по мнению автора, являются недостаточная изученность и отсутствие систематизации самого материала. В целях успешного решения проблемы автор предлагает ряд практических мер.

По И.С. Брагинскому А.С. Пушкин не сразу пришел к Востоку. Первые попытки Пушкина использовать восточные мотивы в своих произведениях проявляются в неких «ориентальных моментах». Развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина ученый делит на периоды: Лицейский (1813-1817), Петербургский (1817-1820), Кавказский (1820-1824) и Михайловский (1824-1830). По мнению И.С. Брагинского в стихах Лицейского и Петербургского периодов Пушкина, «сильны отзвуки анакреонтических и эпикурейских мотивов Батюшкова, романтической музыки

Жуковского, увлечения языческой греко-римской античной образностью», интерес к восточной теме еще «не большой»¹. Восточные мотивы, как отмечает И.С. Брагинский возникают только с начала его ссылки на Юг (1820) под воздействием встречи с живым Востоком. Но и в этот период согласно И.С. Брагинскому отзвуки ориентализма в большей мере носят внешний характер («Бахчисарайский фонтан»). В стихотворениях последующего периода отмечает ученый, отношение Пушкина к культурному наследию в корне меняется. Поэт от внешних восприятий переходит к показу глубинных элементов его культуры.

Заметки И.С. Брагинского содержат ценные сведения об источниках восточных мотивов в стихотворениях Пушкина. Литературоведческий анализ произведений Пушкина («Подражания Корану» и «Виноград»), выполненный И.С. Брагинским, как отмечает Нольман М.Л. «в равной мере важен и для востоковедов и для пушкинистов.

Вместе с тем, в «Заметках» И.С. Брагинского на наш взгляд, не все является бесспорным. Включая стихи первого периода к группе с некими ориентальными моментами, автор в то же время приводит примеры (строчки, двустишья) из самых разных стихотворений («К Наталье», «Монах», «Пирующие студенты», «Тургеневу», «Орлову», «На Стурдзу») и поэма «Руслан и Людмила», которые по его же утверждению служат лишь «виньеточным украшением». Касаясь поэмы «Руслан и Людмила», учёный утверждает, что «подлинного ориентализма в ней по существу нет».

Как нам представляется, здесь в мыслях автора просматривается некоторое противоречие. Если первый период отличается «ориентальными моментами» и они подтверждаются соответствующими примерами, то как можно утверждать, что приведённые примеры не являются ориентальными. Автор «Заметок» был прав, характеризуя стихотворения первого периода творчества Пушкина как произведения периода «ориентальных моментов». Было бы точнее если бы этот период охарактеризовать как «притяжение к

---

¹ Брагинский И.С. «Заметки о пушкинском западно-восточном синтезе». М., 1974.

Востоку. Восточная орнаментика». Тогда приведённые примеры уместно выступили бы в качестве восточных орнаментов. Следующее противоречие в мыслях автора «Заметок» в том, что приводя довольно пространные свидетельства о знакомстве Пушкина с творчеством Гёте, автор всё же сомневается был ли знаком Пушкин с «Западно-восточным диваном» Гёте. По этому поводу учёный Нольман Н. М. Л. В статье «Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа» приводит неопровержимые аргументы, свидетельствующие о том, что Пушкин с «Диваном» Гёте был хорошо знаком. В частности, автор подчёркивает, что выход в свет «Дивана» Гете (1819) во всей Европе, в том числе и в России, вызвал широкий интерес. В России Кюхельбекер на основе этого «Дивана» составлял конспекты исторических данных об арабской и персидской поэзии, а Пушкин выступил с критическими статьями, в одной из которых он писал: «С дивною лёгкостью Гёте переносится из века в век, из одной части света в другую. в «Диване», сколько возможно, европейцу, никогда не бывавшему в Азии, - (он) персиянин»¹. И несмотря на это, И.С. Брагинский поддерживает самостоятельный приход Пушкина к западно-восточному синтезу: «Каждому свое, и у каждого великого поэта западно-восточный синтез выступает в неповторимо индивидуальном обличье».

Работа Н. М. Лобиковой «Пушкин и Восток» посвящена специальному прослеживанию «непреходящего интереса поэта к Востоку, его народам и культуре». На сегодня это единственная брошюра, в которой исследуется тема «ориентализма» в творчестве А. С. Пушкина. Она написана в виде очерка и посвящена анализу поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Подражания Корану».

Лобикова Н.М., вслед за И.С. Брагинским считает, что «эта интереснейшая проблема до сих пор не достаточно изучена пушкиноведением»². При разработке «этой интереснейшей проблемы»

---

¹ Розова В. Пушкин и Гёте М., (1908 г.)

² Лобикова Н. М . Пушкин и Восток. М.,1975.

автором выполнена большая работа. Проанализирован большой объём литературы, собран огромный фактический материал, изучены истоки притяжения Пушкина к Востоку, составлена богатая библиография и сделан анализ трёх выше названных главных произведений Пушкина из его восточного цикла.

К достоинствам работы Н.М.Лобиковой следует отнести то, что она замечание И.С.Брагинского об отсутствии ориентализма в поэме «Руслан и Людмила», считает «слишком категоричным». В подтверждении этого автор, на примере сопоставления поэмы «Руслан и Людмила» и сказок из «1001 ночи», наглядно демонстрирует наличие влияния арабских сказок на поэму Пушкина. Еще больше элементов «ориентализма» обнаруживается в поэме «Руслан и Людмила» при ее сопоставлении с поэмой «Бой Рустама с белым дивом» из знаменитой поэмы «Шах-наме» Абулькасыма Фирдоуси.

Работа Н.М. Лобиковой вместе с тем не лишена некоторых недостатков: это непоследовательность автора в отдельных высказываниях. Признавая за основу интереса Пушкина к Востоку «биографические предпосылки»¹ и указывая на то, что его прадед Абрам Петрович Ганнибал был выходцем из Северной Африки, принадлежал к знатному роду, автор однако не раскрывает, в чем проявилась его генетическая связь с Черной Африкой, не показывает каким образом его восточные корни повлияли на формирование его характера, образа мышления и становления как поэта. Имеет место также и искажения содержания мусульманского предания о ночном путешествии Мухаммеда на небо-«Миърадж», недостатком работы является и то, что при рассмотрении поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» автор не прибегает к сопоставлению ее с соответствующей поэмой «Шах-наме» Фирдавси. То же характерно и для анализа цикла стихотворения «Подражание Корану».

Из работ таджикских авторов, специально посвященных теме «Пушкин и Восток», можно прежде всего назвать статью Вали Самада

---

¹ Лобикова Н. М. . Пушкин и Восток. М.,1975.

«Хофиз ва Пушкин» («Хафиз и Пушкин») Автор хоть и не анализирует конкретных произведений Пушкина, написанных им в духе Хафиза, но некоторые факты, которые он приводит представляют большую ценность в определении источников притяжения (прямых и косвенных)

Пушкина к Востоку, в частности к поэзии Саади и Хафиза. Интересно в этом плане сообщение автора о встрече Пушкина на большой Грузинской дороге с азербайджанским поэтом Фазылханом (из Табриза), известным под псевдонимом Шайдо. Беседа Пушкина с Фазылханом длится долго, Пушкин, узнав о том, что Фазылхан тоже поэт задает много вопросов о Хафизе, Саади и о специфике и особенностях персидской поэзии. На прощание Фазылхан в качестве дара преподносит Пушкину подлинник дивана Хафиза. Между Пушкиным и Фазылханом завязывается переписка. Будучи в Петербурге Фазылхан всегда навещал Пушкина на дому. По сообщению отца Пушкина Сергея Львовича, поэт всегда встречал его как давнего и близкого друга. Автор статьи также сообщает о том, что Пушкин во время вторичного пребывания на Кавказе, в Тифлисе, знакомится с членами литературного кружка «Девони ^икмат» («Философский диван»), куда входили поклонники поэзии Саади, Хафиза и Пушкина - Аббас Кулихан Бакиханов, Мирзо Шафёв Возех, Мирза Фатали Ахундов (Литературный псевдоним Сабухи), армянский поэт Хачатур Абовян, немецкий поэт Ф. Бодэнштедт, поэт из Польши Тадеуш Ладозаблюцкий (1809-1847), русские поэты В. Полонский, П.Я. Петров и другие. Объектом обсуждения кружковцев были произведения Саади, Хафиза, Физули, Гете и Пушкина.

Примечательно приводимое автором высказывание одного из членов этой литературной группы Ф. Бодэнштедта: «Горячие и частые споры, возникавшие между Бакихановым, Полонским и Мирзо Шафет, приводили их в радостное возбуждение. Каждый из них, приводя примеры из Саади, Хафиза, Физули и Пушкина, старался доказать другому, что эти корифеи литературы являются живым олицетворением всей мудрости на земле»¹.

---

¹ Вали Самад. Хофиз ва Пушкин. («Хафиз и Пушкин»). Душанбе. 1978.

Небезынтересно и другое сообщение автора о том, что член названного кружка русский поэт П.Я. Петров был известен под восточным псевдонимом «Ошик» («Влюбленный») и переводил лучшие газели Хафиза с подлинника. В одном из своих писем В.Г. Белинскому П.Я. Петров сообщал, что им переведены «Анвори Сухайли» и газели Хафиза и в подражании им написаны стихи на русском языке.

Имеются две статьи армянских ученых К.В. Айвазян и С.А. Гуллакян. Статья К.В. Айвазяна «Путешествие в Арзрум»¹ Пушкина по своей форме напоминает путевой очерк. В ней автор хронологически прослеживает путешествие А.С. Пушкина в Арзрум, сообщает об источниках знаний Пушкина об Армении, о его знакомстве с грузинскими поэтами Александром Чавчавадзе и Григорием Орбелиани, о поездке Пушкина из Тифлиса в Каре, его прибытии в село Перники (Парни), в город (лагерь) русских Каре и о трудностях его перехода.

Статья интересна тем, что в ней приведены достоверные факты о том, что Пушкин в своем путешествии в Арзрум не был посторонним наблюдателем войны русских с турками, а активно участвовал в ней. Он с оружием в руках принимал непосредственное участие в сражении 14 июня и только по настоянию майора Семичева, посланного генералом Раевским, он насильно был выведен из передовой цепи казаков. Автор статьи сообщает также и о том, что Пушкин в составе сводного уланского полка принимал участие в преследовании отступающего противника. Очень важны сведения автора о встрече Пушкина с сосланными декабристами Сухоруковым В.Д. и Коновницким П.П. и проявлении заботы о них. Из этой статьи становится известным, что Пушкин свое участие в сражениях против турков запечатлел в рисунке, где изобразил себя на коне с копьем в руке, в круглом шлеме и бурке. Участие в боевых действиях поэт описал в стихотворении «Делибаш».

Статья С.А. Гуланяна «К вопросу об источниках Гаврилиады» проливает свет на тот факт, что при написании этой поэмы Пушкин

---

¹ Айвазян К.В. Путешествие в Арзрум. Ленинград 1978.

воспользовался армянским преданием, о существовании которого долгое время пушкиноведы не знали. Автор показывает, как «армянское предание охватывает целый комплекс явлений, куда входит и оригинальное апокрифическое сказание, и своеобразная литературная интерпретация темы и наряду с ними - определенная живописная традиция отразившаяся в миниатюре»¹.

Становится очевидным то, что все последователи, чьи работы были предметом нашего изучения, признают наличие «западно-восточного синтеза» в творчестве Пушкина, и каждый из них в той или иной степени рассматривает аспекты этой очень большой и сложной, но весьма важной литературоведческой проблемы.

Понятно и то, что до настоящего времени разработка проблемы «Пушкин и Восток» или по выражению И.С. Брагинского «западно-восточный синтез» в творчестве А.С. Пушкина еще не завершена и ждет все новых исследователей.

---

¹ Гулянян С.А. К вопросу об источниках Гавриилады. Ростов на Дону.1982.

2.2. Арабский Восток и проявления ориентализма в творчестве поэта.(«Виноград» и «Подражания Корану»)

Известно, что литература существует не в вакууме и современное общество дает обширнейший материал для мыслящего художника слова. Когда в наши дни много говорят о духовном обнищании, о спаде читательского интереса к литературе, то надо знать: это произошло по вине самого общества, которое с развитием науки и техники «породило» не связанные с литературой новые формы получения информации. У современного человека на литературу нет ни времени, ни интереса. Ясно, что это явление временное, так как чтобы стать высоко нравственным человек должен будет вновь обратиться к литературе, поскольку только в ней он сможет найти ответы на волнующие его вопросы, и только через нее сможет понять нравственные устои общества, которые находят в ней свое всестороннее отражение. Помимо всего прочего, речь идет и о религиозной нравственности. Ведь, как отмечается в «Теоретических вопросах религиоведения», «религия во всем спектре вероучений предлагает ответы на «вечные», но для каждого времени животрепещущие проблемы жизни и смерти, смысла человеческого существования, и конечно является источником моральных ценностей. Естественно, на этот счет у каждого человека могут быть свои собственные суждения. Однако по самой своей сути религия – форма общественного сознания, и отношение к ней зависит не только от индивидуальных установок и интересов, но и от общей духовной ситуации, которая определяется спецификой социального бытия... Разумеется, зависимость религиозных представлений от общих условий бытия и повседневных обстоятельств по – разному выражается и понимается в различных формах духовной культуры (Религии мира: 6). Духовная культура советского человека еще в 80-е годы XX столетия строго отвергала религиозные принципы, которые должны быть в обществе, будь оно социалистическое или капиталистическое. Говорящие о том, что это было

время воинствующего атеизма жестоко ошибались, ибо не может господствовать атеизм в обществе, где, согласимся, без веры в Бога нельзя прожить и дня. Дело, разумеется, в другом: насколько религиозные обряды, традиции, сама история религии, были доступны каждому гражданину. Не секрет, что страх Апокалипсиса, обуревающий общество, вынуждал совершать эти обряды, хотя бы втайне. К сожалению, сегодня, когда вероисповедание, обращение к истокам религии не запрещены, не стало лучше. Как пишет Даниил Гридченко: «Хорошо следовать традициям, но, когда традиции утеряны, выдумывают свои, следуют тому, к чему привыкли, часто традиции советской: бабушки, с комсомольским задором выдворяющие из храмов всякого, по их мнению, неправильно стоящего, ходящего, молящего, стали в церковной среде притчей во языцех. Действительно, трудно уговорить советского человека, недавно пришедшему в Церковь: он объедет все святые места, окунется в святой источник, несмотря на любую погоду, обмажется освященным маслом, обсыплется землей с могилы почтенного старца, и это все; наверное, хорошо, если еще не забыть, что творится в его собственном сердце. Хуже всякой атеистической пропаганды оказывается родная мать, насильно вешающая крест на шею непутевого сына и изводящая его уговорами пойти в церковь причаститься...»¹. Правы те, кто считает, что истина не всегда выказывает себя, она смиренна и обретается в тишине. Действительно почитание религии, выбор вероисповедания вопрос личный, и выбор этот делается на раннем этапе жизни. Но обосновать выбор, убедиться в верности его помогает литература, которая издревле пыталась вобрать в себя всю духовную жизнь человека. Правильнее будет сказать, что зачастую писатель может подсказать больше, чем жизненный опыт конкретного человека. Не случайно издревле считалось, что миссия писателя – это истинное миссионерство, и что научно-эвристические знания человека закрепляются во многом благодаря литературным произведениям, где та или иная область науки находит свое отражение. Даже разъяснение философских

---

¹ Томашевский Б. Пушкин. кн. I. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956.

вопросов читатель нередко находит в литературе, то же самое можно сказать о тенденции возвращения к религии, религиозным традициям в обществе. Ученые отмечали, что «в острых спорах громко слышен голос писателей, литературных критиков, публицистов, искусствоведов. Симптоматично, например, что Ч.Айтматов, В.Астафьев, В. Белов, О. Гончар, В. Распутин и др. остро ставили ряд вопросов, связанных с библейской нравственностью, а тема Храма проходит через «Покаяние» Т.Абуладзе, составившее эпоху в нашем кинематографе. Укажем и на обилие журнальных, газетных материалов, в которых, так или иначе, затрагиваются проблемы религии» (Религии мира:

Религиозные мотивы, сюжеты, вопросы, связанные с историей религии используются и в творчестве таких русскоязычных писателей, как А.Зохраббеков, О. Сулейменов, А. Алимжанов, Я. Ильясов, М.Великов, Т.Зульфикаров и др. Для них характерны не только проблемы описательного или информационного характера. Зачастую эти авторы поднимают вопросы общемирового значения, показывают воздействие религии на мораль, общую культуру современного человека. К примеру, в романе азербайджанского писателя Анатолия Зохраббекова интересно показана борьба народа, верующего в святыне догмы Заратуштры, против арабского халифата. Зохраббеков дал историческую оценку политической, экономической, культурной жизни государства Ширваншахов, подробно изобразил дворцовую жизнь, традиции и быт шахской семьи. Писатель показывает, что Эфрус-хатун, сестра ширваншаха Ахситана, является носителем устного народного творчества: она рассказывает молодому поколению легенды, притчи, истории, не желая, чтобы они оказались преданными забвению потомками. Известны ее легенды об Александре Македонском, царице Бильгеис Саба, Гыз галасы. Эфрус-хатун заявляет, что Азербайджан – одно из первых мест поселения человека. В своих рассказах Эфрус-хатун касается и религиозных вопросов, напоминая всем нам о том факте, что до завоевания арабами Азербайджана в этой стране господствовало учение Заратуштры, и

что азербайджанцы были огнепоклонниками. Они называли Азербайджан «Страной огней»¹. Устами Эфрус-хатун автор повествует о Заратуштре, его учении, о молельнях, существовавших на территории нашей страны. Читатель узнает, что известный в мире под именем сына Спитамы Заратуштра по историческим справкам был уроженцем Южного Азербайджана. Став основателем нового вероисповедания, Заратуштра обошел многие страны мира в целях распространения догм своей религии. Он жил приблизительно в VI в. до н.э. и погиб от рук туранцев во время совершения молитвы. Включив в своей роман сведения о жизни и деятельности Заратуштры, А.Зохраббеков подводит читателя к мысли, что многие исторические события вплоть до сегодняшнего дня не имеют точного разъяснения. Речь идет об отношениях между Дербентом и Баку, о причинах частых смен религиозной ориентации Азербайджана, о сложностях, с которыми сталкивались паломники в святые места (Шиз, Азерджунас), которые известны нам лишь по названиям.

Итак, А. Зохраббеков поставил своей целью – крупица за крупицей воссоздать образ страны, зародившейся на заре человечества, где культура была высокоразвитой. Вкладывая в уста Эфрус-хатун, которая как азербайджанка XII века (время действия романа) была мусульманкой, рассказ о зороастрийской религии, Зохраббеков подчеркивает, что в народе, только перешедшем в феодальной строй, жива память о тех, кто строил храмы, доказывал всему миру, что источник тепла, огня исходит именно из Баку. Далее Эфрус-хатун по-своему передает легенду о Девичьей башне, воспринимаемой читателем как некий символ неповиновения, мужества, проявленный азербайджанкой. Далее Эфрус-хатун по-своему передает легенду о Девичьей башне, воспринимаемой читателем как некий символ неповиновения, мужества, проявленный азербайджанкой. «Она (речь идет о «Девичьей башне» – Л. Г.) была в ту пору не столь высока. Ее поднял и

---

¹ Розенфельд А.З. Об одном крылатом выражении у А.С. Пушкина. – Народы Азии и Африки. 1976, №6

удвоил властитель Масуд ибн-Дауд. Да будут благословенны скромные мемары, поработавшие для славы его имени!

Башня не была так высока, но любой мореход видел ее на расстоянии семи фарсахов. На вершине ее горел огонь. В ее стене, как фитиль в свече, была заложена длинная труба, – от огневого колодца до крыши. По ней шел огненный дух земли, и над куполом башни вздымалось сине-красное пламя».

Эфрус-хатун останавливается на нашествии арабов, когда пошатнулись основы зороастризма, и началась эпоха исламской религии. Из истории известно, что в VII веке Халифат в Медине, начав военные действия за пределами Аравии, последовательно завоевал Сирию, Палестину, Египет и другие части великой Византийской империи, Иран, Северную Африку, Закавказье и Среднюю Азию. Так, в течение одного столетия была захвачена огромная территория, простиравшаяся от Атлантического океана и границ Южной Франции на Западе, до Индии и Западного Китая – на Востоке. Побудительной причиной этих войн было стремление объединить вокруг Халифата все арабские племена и обеспечить свободное пользование проторенными торговыми путями. Правда, Ислам распространялся и мирным путем, но это был очень медленный и долгий процесс. Во многих завоеванных странах Ислам закрепился прочно, словно народы, начинающие «привыкать» к новой религии, давно ожидали ее распространения. Для этого существовали объективные и субъективные причины. По мнению Л. И. Климовича «успеху ислама в Средней Азии и на Кавказе способствовало и то, что местной религии, которая соответствовала бы требованиям феодального общества здесь в то время, не существовало. Ни распространенная в Средней Азии и Азербайджане форма зороастризма, ни другие религии, например, манихейство, буддизм, этому не отвечали. К тому же ислам, формировавшийся в период установления классового общества, сравнительно легко приспособлялся к особенностям новых мест его распространения. Способствовало этому и сохранение в нем специфической

обрядности религий Древнего Востока, в частности характерного для зороастризма требования ритуальной чистоты верующего...»

В XIX – начале XX века проблема «Запад – Восток» овладела умами многих философов, историков, писателей России. В ряду представителей русской культуры, чей интерес в Востоку и взаимодействие с ним были глубоки и непреходящи, фигура А.С. Пушкина занимает весьма значительное место.

В дни изгнания в Михайловское (1824 – 25 гг.) поэт создал цикл стихов «Подражания Корану». Он читал священную книгу мусульман в переводе Верёвкина на русский язык и Савари – на французский. «Я тружусь во славу Корана и написал кое-что», - сообщает он брату Льву из Тригорского в Петербург. В одном из незавершённых стихотворений А.С. Пушкина есть признание:

В пещере тайной в день гоненья
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принёс мне талисман.

Чтение Корана отразилось в творчестве А.С. Пушкина. Каждая сура (глава) Корана открывается такими словами: «Во имя Бога Милостивого и Милосердного!». Эти слова известны как «басмаллах» и напоминают человечеству, что Бог есть милосердие. С образом пророка Мухаммада связаны раздумья о назначении поэта, его общественном служении, об идеальном государственном деятеле, о торжестве добра над злом:

Восстань, боязливый; в пещере твоей
Святая лампада до утра горит.
Сердечной молитвой, Пророк, удали
Печальные мысли, лукавые сны!
До утра молитву смиренно твори,
Небесную книгу до утра читай!

В начале VII века по Аравийскому полуострову кочевали бедуины со своими стадами; на окраинах полуострова сформировались небольшие княжества. Можно лишь представить себе бедность быта тогдашних жителей аравийских городов и культуры арабов. Но вот появился человек, по имени Мухаммад, рано потерявший родителей, рано познавший нужду, склонный к созерцанию и раздумьям. Богатое поэтическое воображение создавало в его сознании новую картину мира. Вскоре через архангела Джабраила получил он от Аллаха Коран и стал его Пророком. Убежденность и великолепный дар речи делали своё дело: его слушали, не всегда понимали, но поддавались эмоциональной власти его речей – и за ним пошли. Переход Мухаммада со своими сторонниками из Мекки в Медину стал началом мусульманского летосчисления – 622 год н.э. Так началось поистине триумфальное шествие новой религии (Ислама) по Аравийскому полуострову. Мухаммад умер в 632 году н.э., но дело, начатое им, продолжается и поныне. Ислам превратился в одну из трёх мировых религий, и Коран почитаем ныне чуть ли не третью человечества...

В стихах А.С. Пушкина изложены космогонические представления арабов, как они выражены в Коране: Аллах – творец всего сущего, Аллах единый, всемогущий:

Зажёг ты Солнце во Вселенной,
Да светит Небу и Земле...
Творцу молитесь: он могучий:
Он правит ветром в знойный день,
На небо посылает тучи,
Даёт земле древесну тень.

Небольшой стихотворный цикл глубоко, хотя и в обобщённой поэтической форме, запечатлевает черты жизненного уклада, мирозерцания и психологии арабского Востока:

Нет, не покинул я тебя.
Когда же в день успокоенья

Я вёл, главу его любя,
И скрыл от горького гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезёю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй!
Не могла не привлечь А.С. Пушкина высокая ПОЭЗИЯ КОРАНА:

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить Пророка моего.
В паденье душ благочестивых
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.

Священная книга мусульман интересовала А.С. Пушкина и своей моралью, высокой нравственной сутью:

Торгуя совестью пред бедной нищетою,
Не сыпь своих даров расчётливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный,
Сторицею она воздаст твоим трудам.

А.С. Пушкин отразил не только содержание и дух отдельных сур Корана, но и его художественное своеобразие. «Слог восточный» был и здесь для поэта образцом, поэтому «Подражания Корану» по праву считаются одним из шедевров А.С. Пушкина, в котором восточная традиция воспринята поэтом каждой его клеточкой, каждой частицей сердца!

Кстати, многие восточные исследователи творчества А.С. Пушкина считают, что чтение Корана отразилось во многих стихах поэта. Так, например, известное стихотворение «Пророк» (1826 г.). Для нас, несомненно, Пророк – это сам поэт, которому «Бога глас» указал его земное назначение – «глаголом жги сердца людей!» И мало кто знает, что одним из источников этого произведения является не только Библия – пророк Исая, с которым его соотносят, но и легенда о пророке Мухаммеде.

На протяжении всего пушкинского творчества можно заметить неразрывную связь между Западом и Востоком. И, может быть, в этом и заключается разгадка одной из многих тайн Пушкина-творца: предстать и через 300 лет человеком единого подлунного мира!

2.3. «Песнь о вещем Олеге» Пушкина и «Смерть Шанфария» Сенковского как инварианты мифологемы судьбы (в аспекте дихотомии "Запад—Восток")

Понятие "судьба" по праву занимает центральное место как в осмыслении сущности человека, так и в определении путей развития культуры и цивилизации. Оно неизбежно является одним из центральных объектов исследования в философии жизни. Его невозможно изучать теми рациональными методами, которые используются философами для поиска человеческой сущности. Жизнь человека – это не только область чистого разума, она наполнена эмоциями, волнениями, это – сфера существования, а не сущности. Именно в сфере существования становится значимым такое понятие, как “судьба”.

Поверье о предопределении судьбы является мифологическим, образным выражением идеи о неизменности законов мироздания и природы. Как известно, архетипы – это всеобщие образы поведения и мышления, универсальные образцы коллективного бессознательного, не подвергшиеся сознательной обработке, “априорно формирующие активность воображения” . Архетипы, или мифологемы (содержание понятия близко архетипу), лежат в основе общечеловеческой символики, выявляются в мифах и верованиях, сновидениях, произведениях литературы и искусства. Можно даже сказать, что совокупность архетипов образует собой основное содержание мифологического сознания.

Мифологическое мышление нередко отождествляло понятие судьбы с женскими божествами (у греков триада женских образов – Мойры, у римлян – Парки). Согласно учению кармы, судьба – это творение самого человека. Слова со значением “судьба” могли соотноситься с астральной символикой (звезда, небо). Представление о судьбе неразрывно связано с такими

понятиями, как “ткать, соединять” (судьба изображается как нить, связывающая “верхний” и “нижний” миры). Интересно соотношение значений “судьба” – “время”. Понятие судьбы может также соотноситься с рукой, деревом, лбом человека: согласно мифологическим представлениям, судьба записана на ладони руки, на деревьях, а также на лбу человека¹.

Этот архетипический перечень кажется пёстрым и неопределённо широким, но он показывает, что само понятие судьбы является многомерным и сопрягается с вещным миром. Это позволяет отнести понятие судьбы к архетипу, символизирующему изначальную укоренённость человека в мире вообще и в социуме в частности.

Идея судьбы – одна из важнейших экзистенциалов человеческой жизни. Она возникает уже в первобытном обществе, в те далёкие времена, когда человек только начинал осознавать и переживать зависимость своей жизни от окружающей его природы и от поведения своих сородичей.

“Смыслы судьбы как мифологемы имеют несколько уровней. Первый из них обнаруживается в мифах, повествующих о духах и божествах, олицетворяющих силы, влияющие на жизнь человека... Второй смысловой уровень мифологемы “судьба” содержит, по крайней мере, три инвариантных смысла. Во-первых, судьба как часть, доля, во-вторых, судьба как речь, слово и, в-третьих, судьба как суд” . Если эти уровни расположить в горизонтальной проекции, то они будут располагаться так: доля, речь, суд.

В рамках данной работы нас интересует третий инвариантный смысл – “речь”, или “рок”. В русском языке “рок” от “rekti” – “речь”. При этом “рок” в значении “судьба” оказывается тесно связанным с предикатом “предсказанное”. Это попытка понять судьбу.

---

¹ Чельшев Е.П. Постигание русского национального гения//Москва, 1999, №11

Конечно, в основе мифологемы "судьба" как речи лежат осознанные представления людей о силе воздействия слова на жизнь человека и его ценностные ориентации. В мифологеме "судьба" рок – это даже и не человеческая речь как таковая. Это голос богов и космоса, засуживающих человека и заставляющих его действовать так, как того хочет целое. Случится то, что сказано космосом и его персонификаторами – богами, олицетворяющими безликую природу. Еще Сенека заметил, что судьба ведет послушного и силой влечет непокорного. Мифологическая судьба не оставляет место свободе. Не человек выбирает, а его выбирают. Человек не имеет голоса, его задача – слушать голос богов.

Присутствие мифологемы судьбы, несомненно, прослеживается и в балладе А.С. Пушкина “Песнь о вещем Олеге” (1822), и в повести О.И. Сенковского “Смерть Шанфария” (1827). Эти произведения своими корнями уходят в народно-национальные источники Запада и Востока – поэтическое переложение легенды о смерти Олега и перевод арабской повести. Совершенно очевидно, что авторов интересовала не история. Они пытались выяснить глубинные экзистенциальные основы людей разных менталитетов.

Пушкин использовал “Повесть временных лет”, составленную около 1113 г. монахом Нестором. В основу своего труда он положил Начальный летописный свод, которому, в свою очередь, предшествовали более ранние летописные своды. Речь идёт о дохристианской Руси. В повести Сенковского речь идёт о доисламской Аравии, об аравитянах, ещё не принявших религии Мухаммеда. Сенковский считает, что истинная поэзия арабских племён существовала до пророка Мухаммеда. “В основе лежит здесь легенда про знаменитого героя и поэта доисламской Аравии, но в совершенно вольном изложении; переводом считать её никак нельзя” . Сенковский исходил из различных преданий о подвигах древнеарабских героев и о знаменитых битвах племён.

В данном исследовании нам интересны эти произведения в парадигме “Запад – Восток”, которая выражает дихотомию поляризованного целого всемирной культуры.

“Самое главное – ощущать эмоции, любить, надеяться, трепетать, жить” – так считал Огюст Роден, представитель западной цивилизации. “Лучше пребывай в центре своего существа; ибо чем чаще ты его покидаешь, тем меньше ты учишься”, – противоречил ему Лао-Цзы, представитель восточной цивилизации. Противопоставление Востока Западу, как систем ценностей, культурных представлений, политических интересов, имеет длительную историю, в которой роль этих противостоящих векторов оппозиции, нередко менялась, но всегда имела ощутимую значимость.

Если Запад ассоциируется с индивидуализмом, с ценностью каждой человеческой личности, с главенством закона, то Восток – с приоритетом идеи, государства, с главенством руководящей личности вождя. Это различные социокультурные парадигмы, на протяжении веков и тысячелетий сосуществующие между собой. Они борются друг с другом, взаимодействуют и влияют одна на другую, но в процессе противостояния так и не преодолевают семантического параллелизма. Примером этому служат произведения Пушкина и Сенковского, обнаруживающие идею судьбы.

В результате исследования мифологемы судьбы в этих произведениях можно сделать следующий вывод: как бы далеко ни отстояли друг от друга культурно-смысловые системы Запада и Востока, они связаны между собой, по крайней мере, совокупностью различительных принципов или набором критериев и принципов, согласно которым Восток и Запад оказываются сопоставимы. И в то же время как бы тесно ни сближались между собою Запад и Восток, всегда найдутся ценности и нормы взаимоисключающие, предельно поляризующие семантические поля Востока и Запада. Даже

применительно к одному культурно-целостному объекту наблюдения или научного изучения можно говорить об амбивалентности представленных в нём западных и восточных начал.

Известно, что Пушкин был суеверным человеком. За десять лет до последней дуэли Пушкин написал П. Вяземскому: “Судьба не перестаёт с тобою проказить. Не сердись на неё, не ведает бог, что творит. Представь её огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит её на цепь? Не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего”¹. Вероятно, Александр Сергеевич имел в виду обезьяну большую, бесхвостую. Её почитали в Древнем Египте, Африке, Индии и Китае. Способности обезьян имитировать человеческое поведение широко использовались для высмеивания тщеславия и глупости. Обезьяны вообще символизируют низшие силы, тьму или бессознательную активность. Древние люди верили, что эта бессознательная сила может разрушить жизнь человека. Если русское слово “обезьяна” прочитать как бы по-арабски, опустив гласные, то получим сакральное (скрытое) значение слова – “обладатель знания”.

Легенду о смерти Олега Пушкин знал с юности, и её драматизм поразил воображение поэта. Но, используя эту легенду, он переработал её, выделив мотив привязанности князя к своему коню и добавив новый образ “вдохновенного кудесника”, который имеет особую значимость.

Согласно летописи, Олег совершает поход на Царьград, столицу греческой империи. Он велит вытащить корабли на сушу, поставить их на колёса и поднять паруса. Видя, как на их город посуху движутся морские суда, греки в ужасе соглашаются немедленно выплатить любую дань. Правда, они предпринимают попытку изменить ход войны в свою пользу и выносят Олегу в знак мнимого гостеприимства отравленные пищу и вино. Хитрость не удаётся – Олег не принимает угощения.

---

¹ Недзвецкий В.А. Пушкин как всемирный гений//Русская словесность, 1999, №4

С того времени прозвали Олега “вещим” (мудрым). И не только за то, что угадал вино с ядом, но и за умение предвидеть ход событий и управлять ими, за удачливый исход великой военной компании. Кроме этого, имя Олег (так по-славянски звучало скандинавское имя Хельги) – значит “священный”, следовательно, обладающий даром предвидения.

В христианской мифологии мифологема судьбы пережила инволюцию. Идеологическое господство богословия обрезало поле значений “судьбы”, сведя их к минимуму, точнее, к одному-единственному, являющемуся следствием монотеизма. Если язычество, как многобожие, исходило из многозначности “судьбы”, понимавшейся и как необходимость, и как случайность, и как то, что предопределено, и стоящей даже над богами, то христианство принципиально ограничило понятие судьбы: оно заменяет его понятием божественного предвидения”; оно “противопоставило идее судьбы веру в осмысленное действие “провидения” . Ф. Ницше замечает: “Что означает “нравственный миропорядок”? Что воля божия раз и навсегда предписывает человеку, что ему делать и чего не делать. Что ценность народа и отдельного человека измеряется степенью послушания их богу. Что в судьбах целого народа и отдельного человека во всем *царит* воля бога, который карает и вознаграждает по мере послушания ему” .

Олег вернулся в Киев во славе, и все почитали его вещим, не зная, какая судьба ждёт этого удачливого князя. Да и сам князь, казалось, забыл о своей судьбе, а она некогда – ещё до похода на греков – была предсказана ему языческим прорицателем, который “в мольбах и гаданьях” провёл свой век. Князь должен был принять смерть от любимого коня.

Древние славяне верили в языческих богов. Особенно они почитали Перуна, бога молнии и грома. По преданию, богам служили волхвы, которых иначе называли *кудесниками*, *вошебниками* (кудесник, чудесник – от слова “чудо”). Считалось, что кудесники осуществляют волю богов,

вдохновляются ими (“вдохновенный кудесник”) и могут предсказать будущее (“заветов грядущего вестник”). Их гаданьям и предсказаниям верили и с кудесниками советовались, особенно в трудных случаях жизни, например перед войной.

Название славянских жрецов – волхвов – родственно имени скотьего бога Волоса (или Велеса). Травы, кусты, цветы, деревья называли “волосами земли”. “С культом Велеса связано понятие “волхвы”, так как корень этого слова также происходит от “волохатый”, “волосатый”. Волхвы при исполнении ритуальных танцев, заклинаний, обрядов в древности одевались в шкуру (длаку) медведя или другого животного” . Но оно родственно также и скандинавскому наименованию провидицы – в льва. Когда-то, в глубокой древности, родственные индоевропейские народы одинаково обозначали своих жрецов-провидцев, чьё сверхъестественное знание было причастно тайнам преисподней.

Олег, услышав предсказание, сначала “усмехнулся”, “...однако чело И взор омрачилися думой”. Князь был язычником и поэтому велел отправить коня пастись на вольные пастбища. Князя ведёт то, что Пушкин называл “презрением к судьбе”, качеством, менее всего присущим языческому миросозерцанию. После похода князь вспомнил о любимом скакуне, но ему ответили, что коня нет в живых. Прорицания оказались ложными: конь умер, а князь жив. Он поехал посмотреть на кости любимого животного, “...тихо на череп коня наступил”, но “Из мёртвой главы гробовая змия Шипя между тем выползала”.

“Нестор-летописец, христианский монах, записал эту легенду в летописи, потому что хотел показать: языческий князь не мог быть вещим, ведь он не мог предвидеть даже собственной судьбы. Но учёные обратили внимание на другое: конский череп, равно как и сам князь, и змея – хтоническое животное, символ смерти, связаны с культом Волоса, скотьего

бога, бога преисподней и хранящегося там богатства. Вещий Олег был поклонником Перуна, и Волос отомстил ему” .

Это судьба победила человека. Перун – Небесный бог, чьи атрибуты – гром и огненная стрела молнии, поэтому у волхва “правдив и свободен ... вещий язык, и с волей небесною дружен”. Вот откуда предсказание, пророчество. А Велес – бог Нижнего царства, предстающий то в образе медведя, то в виде змея. В славянской мифологии считался защитником мёртвых. Поединок Перуна и Велеса – “основной миф” у многих народов мира.

Психобиологические и социологические аспекты представлений о судьбе в значительной степени объясняются их сопряжённостью с оппозицией мифологического сознания “жизнь – смерть”. Вот откуда в славянской мифологии змея, череп, лошадь. Как символы, они отражают глубины человеческого сознания и подсознания.

В символическом списке змея считалась находящейся в постоянном контакте с тайнами земли, вод, тьмы и загробного мира. Это эмблема смерти и хаоса. В западном фольклоре символизм змеи по большей части отрицательный. Христианская традиция представляла змея как врага человечества и даже индифицировала его с сатаной. Поэтому в западном искусстве змея стала основным символом зла, греха, искушения или обмана.

Наиболее очевидный символ смерти и смертности – череп. Однако в языческой Европе имел более сложное значение – “средоточие интеллекта, духа, жизненной энергии и части тела, наиболее стойкой к разложению”

По древним поверьям, лошадь знала тайны загробного мира, земли и циклы её развития. Легенды и фольклор часто наделяют лошадей магической силой предсказания.

Это ещё раз подтверждает сопряжение мифологемы судьбы с оппозицией “жизнь – смерть”. Да и в названии арабской повести О.И. Сенковского есть слово “смерть”. Судьба выступает как способ реализации божественного в человеческом, как земной (временный) аналог небесного (вечного, бессмертного). В большинстве традиций смерть, как и рождение, – обязательный компонент представлений о судьбе. В древнеарабской мифологии судьба нередко трактуется как предопределённая каждому человеку смерть.

Судьба может быть и подвластна богам, ассоциироваться с их волей, и, напротив, властвовать над ними. Этим двум вариантам соответствуют формулы, приводимые Геродотом: “Не может человек отвратить то, что должно совершаться по божественной воле”, “Предопределённого судьбой не может избежать даже бог”.

В доисламских представлениях арабов, как и у славян, формируются понятия судьбы как времени, неодолимое течение которого определяет всё сущее в мире. “Заветы судьбы неизбежны: стрелы её достигают человека на высотах Тудыха и в глубоких долинах Веджры” – констатирует повесть “Смерть Шанфария”.

Во многих языках наблюдается употребление термина “время” в значении предустановленного (назначенного) срока, рокового момента, а также соотнесение счастья со временем, а несчастье – с безвременьем. Судьба соединяет прошлое и будущее. Шанфарий, знаменитый герой, любил “прекрасную Дальфу”, и она любила его. Это был счастливый союз. “Но что значит счастье человека?..” – спрашивает повествователь.

Поколение Саламан напало на поколение Азд, к которому принадлежал Шанфарий. Саламанцы опустошили шатры, собрали обильную добычу и угнали с собой множество скота. Во время нападения были взяты в плен пятьдесят дев. В их числе оказалась Дальфа. Поклялся тогда герой

“Всевышним Существом, создавшим степи и горы”, что убьёт он сто развратных “сынов Саламановых”. В течение трёх лет он уничтожил девяносто девять человек. Клятва была уже почти реализована, тогда он вспомнил прекрасную Дальфу. Шанфарий отправил своего друга Селика в стан врага с целью разведать планы саламанцев. Верный друг выполнил задание и предупредил Шанфария об удобном случае спасти любимую.

Но Шанфарий опечалился: старая колдунья Ханса предсказала ему потерю друга и любовницы. Во всём виновным будет сам Шанфарий, и в том числе и в своей собственной гибели. Не поверил Селик “пустословию старой обманщицы”, убедил друга в том, что именно боги благоприятствуют намерениям Шанфария. Дальфа была спасена. Во время бегства от врагов молодые люди оказываются окружёнными, и Шанфарий, не узнав друга, убивает его. Это был сотый враг. Так Шанфарий исполнил свою клятву. Но пока он её произносил, злобный Асир, предводитель саламанцев, пронзил его копьём. “Определение судьбы неизбежны! Когда наступит роковое время, напрасно человек ухищряется избежать гибели: если он уклонится от смерти в одном месте, встретит её непременно в другом”. Во время гибели Шанфария не стало и Дальфы. “Так сбылось предсказание Хансы”. Но через несколько лет Асир проезжал через то место, где был убит поэт и воин. Он увидел череп Шанфария и с презрением пнул его ногой, но в то же время осколок черепа вонзился ему в ногу. Через несколько дней Асир умер – свершилась клятва Шанфария. Таков финал повести Сенковского.

Причиной смерти пушкинского легендарного князя Олега тоже является череп его любимого коня, который также был потревожен бывшим хозяином. Символ смерти и здесь сыграл свою роль.

Мифологема судьбы в повести “Смерть Шанфария” позволила провести аналогию с поэтическим произведением в жанре баллады, принадлежащем

перу А.С. Пушкина, несмотря на то, что в первом случае за основу были взяты арабские источники, а во втором был использован летописный рассказ.

“Эпичность” и “поэтичность” – вот что объединяет эти два произведения. Если “Смерть Шанфария” – повествовательная лирика, или поэтический нарратив, то “Песнь о вещем Олеге” – стихотворная повесть. В основе того и другого произведения лежит сюжет, данный в то же время в единстве с лирическим раскрытием материала. “Песнь..” прославляет легендарного князя Олега, а “Смерть Шанфария” – восточного героя и поэта Шанфария.

Князь Олег, представитель западной культуры, – это победитель, который вышел живым из сложнейших и опаснейших ситуаций и получивший свою награду здесь, на Земле. Вероятно поэтому народ, а потом и Пушкин, не помня реальной смерти “могучего Олега”, приложил мировой фольклорный мотив к биографии князя, по-своему дополняя и даже не нарушая образ “вещего” героя.

Легенда о предсказанной смерти Олега имеет параллели в сказаниях разных народов, в том числе и очень близкие, в которых фигурируют и любимый конь героя, и змея. В сербском сказании такая же смерть, как и к Олегу, приходит к турецкому царю. В исландской “Саге об Одде Стреле” рассказывается о могучем герое, который больше доверял своим силам и силе своего оружия, чем жертвоприношениям. В те времена провидцы-вэльвы бродили из дома в дом и кормились там, совершая прорицания. Но Одд не поднялся со своего ложа, чтобы встретить вльву, и даже пригрозил ей палкой, если та осмелится предсказывать его судьбу без согласия героя. Оскорблённая провидица всё же предрекла ему долгие годы. Он будет странствовать из страны в страну и повсюду прославится, но в конце концов вернётся туда, где получил прорицания, и погибнет от змеи, что выползет из черепа коня по имени Факси.

Тогда Одд вывел из конюшни своего несчастного скакуна и убил его. После этого он действительно совершил много подвигов и вернулся домой. Он уже стал насмехаться над давним прорицанием, но тут увидел гигантский конский череп, из-под которого выползла змея и ужалила героя в ногу.

В настоящее время одни исследователи считают, что Олег и Одд – один и тот же человек. Другие даже опровергают сам факт существования этого викинга.

Основной же мотив саги остаётся неизменным: герой думает, что он избавился от предсказанной судьбы и ведёт себя вольно и даже вызывающе; но выясняется, что предсказание он понимал слишком буквально, и его последующие поступки ведут только к исполнению предсказания. Мифологема судьбы предстаёт перед нами как универсальное космическое начало, стоящее над богами и отождествляемое с мировой необходимостью или мировой справедливостью.

Витязь Шанфарий, представитель восточной культуры, – победитель, ценою своей жизни отстаивавший общепризнанные ценности, его награда не на Земле, а в памяти потомков или на небесах. “Имя его поражало ужасом отважнейших витязей пустынь наших. Его стихи повешены были на золотой цепи в священном храме Каабы. Сто поколений исчезло с поверхности земли, но стихи Шанфария повторяются храбрыми сынами степей и красавицами Хеджаза...”

Особо хочется отметить, что в “Песне о вещем Олеге” и “Смерти Шанфария” между героями и судьбой существует дистанция. Это образуемое этическое пространство оставляет возможность выбора, возможность отодвинуть или приблизить роковое сцепление обстоятельств. Таким образом, в мифологеме “судьба” имплицитно возмещается возможность выбора: герой может покориться возвышающейся силе (“фаталистическая” точка зрения на

судьбу) либо бежать от неё, вступить с ней в единоборство и пасть под её ударами (“активистская” точка зрения на судьбу).

Таким образом, обнаруживает себя вертикальная проекция мифологемы судьбы – “фаталистическая” и “активистская”. Князь Олег отказывается от своего коня, надеясь избежать участи судьбы, а Шанфарий, убив своего друга, радуется, что исполнил клятву. “Он не знал, что ему не суждено было исполнить сию клятву при жизни!” Активное понимание судьбы героями – это особое осознание судьбы, которое оставалось в латентном фонде ценностей общего мировоззрения, “коллективного неосознанного”, как некоторая отложенная историей возможность. Интересно, что позже эта модель судьбы, которая таилась в культурной памяти людей, сыграла свою роль в процессе античного и христианского наследия и обогатила ментальную вооружённость как Запада, так и Востока.

Сходство между героями-победителями и двумя произведениями, одетыми в совершенно разные формы, намечается, главным образом, по тождественно развивающейся сюжетной линии – роковой предопределённости, и никакие предосторожности не способны отвести знамение судьбы.

Даже чья-либо убеждённость в том, что учения Запада и Востока основаны на диаметрально противоположных точках зрения, не означает их крайнего и жёсткого разделения. Внимательное изучение прозаической поэмы “Смерть Шанфария” О.И. Сенковского и стихотворения “Песнь о вещем Олеге” А.С. Пушкина позволяет понять, что они выражают в основе своей универсальное представление о жизни, а значит, и о судьбе. Интернациональное и национальное находятся в единстве, определяемом единством мирового исторического и литературного процессов

Если считать объектом исследования мифологему судьбы, а субъектами – Пушкина и Сенковского, то, благодаря своим произведениям “Песнь о

вещем Олеге” и “Смерть Шанфария”, они представили отношение западного и восточного человека к идее судьбы, помогли понять образ мышления и менталитет людей поляризованного целого. В результате исследования была выявлена инвариантность мышления князя Олега из языческой Руси и витязя Шанфария из доисламской Аравии. Эта общность составила объективное содержание этих восприятий, так как инвариантность служит основой адекватного отражения сущности объекта.

Глава III. Тема типологии культур Запада как историко-литературная перспектива в творчестве А.С. Пушкина

3.1. «Литературные соприкосновения» России и Запада (Гёте и Пушкина)

2 августа 1831 года Пушкин пишет свою знаменитую оду «Клеветникам России», ставшую ключевым моментом в осмыслении взаимоотношений России и Запада. Это стихотворение вместе с «Бородинской годовщиной» имело большее значение для национального самосознания России. В них Пушкин не дает ответов на те вопросы, которые он ставит. Здесь, как и везде, он остается художником, роль которого, в отличие от философа, заключается в том, чтобы с предельной ясностью поставить вопрос. А отвечать на этот вопрос каждый потом будет в меру своего разумения.

Ода «Клеветникам России» непосредственно обращена, как это видно уже из ее названия, к западным политикам, переменившим свое отношение к России через двадцать лет после разгрома наполеоновской армии и враждебно относившимся к России. За несколько месяцев до смерти Пушкин писал кн. Голицыну, сделавшему перевод стихотворения на французский язык: «Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны». «Отчего вы не перевели эту пьесу в свое время – я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты Депутатов». Здесь подразумеваются дерзкие и угрожающие, по мнению Пушкина, выступления депутатов во французской Палате по поводу поведения России в Польше.

Пушкин воспринимает их как прямой призыв к вооруженному нашествию Запада на Россию, и в памяти его сразу же неизбежно возникает

жуткий призрак 1812 года. Пушкин и начинает свою оду с прямого обращения к этим «крикунам из Палаты Депутатов»:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

За месяц до написания этих строк Пушкин высказывал ту же мысль в письме Вяземскому: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским».

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

«Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна», – так считал Пушкин. Напоминая Западу о том, что Россия сокрушила Наполеона и избавила мир от тирании, он тем самым окончательно отходит от своего более раннего наполеоновского культа.

Теперь Пушкин мыслит исторически: великие личности по-прежнему привлекают его поэтическое внимание, но мысль его занята поиском неких подспудных закономерностей мировой истории, которые проявляют себя через этих выдающихся деятелей. А закономерность здесь заключалась в том, что на Западе время от времени появляются завоеватели, которые объединяют его полностью или частично, после чего вторгаются в Россию или вмешиваются в ее внутренние дела.

Отношение Пушкина к Польше и полякам сформировалось рано и уже не претерпевало особых изменений до конца жизни. В сентябре 1812 года лицеисты провожают войска петербургского ополчения, проходящие через Царское Село, а в 1836 году, за полгода до смерти, Пушкин пишет, обращаясь к лицейским товарищам:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать шел мимо нас...

Наполеон отводил Варшавскому княжеству особую роль в войне против России; оно было «передовым форпостом» на этом рубеже. Поляки же тут преследовали собственные цели, надеясь отвоевать обратно свои литовские, белорусские и украинские земли и восстановить Польшу «от моря до моря».

Отношения России с Польшей Пушкин считал только внутренним делом России и занял непримиримую позицию во время польского восстания в 1830 году. Однако этот умнейший человек и великий гуманист пишет в одном из своих писем: «мы можем только жалеть поляков, мы слишком могущественны, чтобы их ненавидеть».

Это изречение – неплохой пример знаменитой пушкинской лаконичности, сочетающейся с глубиной мысли. Это замечание о жалости к полякам совсем не было чем-то случайным, вызванным мимолетным настроением. Пушкин не питал никаких польских симпатий и твердо считал независимость Польши угрозой для русской государственности, но это не мешало ему при случае выразить свое сочувствие и сострадание к полякам. Особенно это стало заметно после того, как Варшава уже была взята русскими войсками, и можно было наконец проявить «милость к падшим»:

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их.

Пушкин мечтает о добровольном воссоединении славянских государств во главе с Россией, заслужившей эту роль ценой невероятных потерь и страданий, спасая Европу от покорителей:

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою,
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Глубокое государственное мышление зрелого Пушкина отмечали многие современники. Мицкевич писал об этом: «слушая его рассуждения об иностранной или внутренней политике его страны, можно было принять его за человека, посевшего в трудах на общественном поприще и ежедневно читающего отчеты всех парламентов».

В конце 1831 года появилась статья Чаадаева «Несколько слов о польском вопросе». В этой статье Чаадаев, в сущности, придерживается той же точки зрения, что и Пушкин, на польский вопрос. Мысль Пушкина, выраженную поэтически, Чаадаев обосновал как философ. По его мнению, только в соединении с Россией поляки не только не отрекутся от своей национальности, но таким образом еще больше укрепят ее, тогда как в разъединении они неизбежно подпадут под влияние немцев, чье поглощающее влияние испытала на себе значительная часть западных славян». Таково было теоретическое обоснование пушкинского тезиса о том, что «славянские ручьи сольются в русском море». По Пушкину, у примирения русских с поляками есть два пути – искусство и любовь:

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит -
Перед улыбкой муз небесной
Земная ненависть молчит.

При всей извилистости тех путей, которые проходили деятели культуры того времени, при всем различии их судеб, убеждений, темпераментов, одна общая направленность их движения прослеживается почти во всех случаях. В молодости их взгляды, как правило, были западническими и либеральными, но с течением времени они становились все более и более консервативными и русофильскими.

3.2. «.. Я проклял знаний ложный свет...» тема Фауста в творчестве А.С. Пушкина

Тема «Пушкин и Гёте» давно уже признана важной для сравнительного литературоведения. Разработкой данной темы занимались такие ученые как В. Розов, Жирмунский В., Благой Д. и др. каждый из этих исследователей имеет свою точку зрения на столь данную проблему, не повторяя и, подчас, не принимая позиции другого исследователя.

Так, в капитальном труде В. Розова «Пушкин и Гёте» (1908 г.) все мысли автора сводится к утверждению того, Гёте сказал решающее значение на формирование всего творчества Пушкина. Попытка Розова поставить все творчества Пушкина в зависимость от Гёте основана на наивном истолкования каждого случайного сходства, иногда самого общего.

Исследователь творчества Гёте В. Жирмунский критикуя Розова за это, говорит, что «ни одна черта в поэтическом облике Пушкина не была подсказана влиянием немецкого поэта», но в то же время замечает, что «Сцена из Фауста» (1825) Пушкина является наиболее значительном откликом Пушкина на эту трагедии Гёте».

Противоречивость мыслей В. Жирмунского наводит на мысль о том, что эта тема требует живейшего интереса исследователей к данной проблеме, и, нам думается, будет тщательно разработана. Мы же в своей работе, относительно темы «Пушкин и «Фауст» Гёте» попытались проанализировать мнения исследователей и пришли к выводу, что творчество Гёте, в частности его гениального произведение «Фауст», безусловно оказало влияние на Пушкина.

Пушкин, оставаясь глубоко национальным самобытным поэтом, принес в образ Фауста свое творческое толкование.

Время деятельности Пушкина совпало с периодом все нарастающего сближения между литературами разных стран и народов, с появлением самого понятия «мировая литература». Это обстоятельство, в свою очередь,

повлияло и на характер пушкинского реализма. Культура, по своей сущности, одновременно национальна и общечеловечна. Она означает духовный рост личности и народа, происходящий всегда в определенном месте и в определенное время.

Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием мира. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература. Понятие «мировая литература» впервые сформировал Гёте. Гёте писал, что «всякое подлинно великое художественное произведение преломляет в себе всю историю мирового искусства».

Пушкин также полон уважения ко всем народам и ко всем культурам. Едва ли мировая культура знает другого такого художника, который был бы наделен таким вниманием ко всем ее достижениям и такой способностью точного воспроизведения их своим творчеством.

Одна из задач нашего исследования состоит в том, чтобы определить «знакомство» Пушкина с Гёте и проследить, какими путями происходило это «ознакомление».

Начнем с лицейского периода. В какой мере поэт был тогда знаком с немецким языком и литературой?

Многие современники Пушкина, в частности П. Анненков, утверждали, что тот до выступления в стены лицея вовсе не знал немецкого языка. Годы учения в лицее также не дали Пушкину знания немецкого языка. Но мог ли Пушкин с его огромными потребностями в познании литературы оставить без внимания немецкую литературу, о которой ему много рассказывали Дельвиг, Кюхельбекер? Конечно же нет. Известна тесная связь, соединившая Дельвига, Кюхельбекера и Пушкина. «С ними», пишет Пушкин П.А. Плетневу 31 января 1831г., - «я толковал обо всем, что душу волнует, сердце томит». Понятно, в этих «любимых разговорах» подобающее место отводилось и предмету увлечения знанием, как пути к современному счастью,

к творчеству человеческой воли и разума, утверждение примата действия, как источника мысли, творческого слова, разумного человеческого благополучия.

В первых словах Фауста сомнение в способности человека к познанию, скорбное разочарование в силе человеческого разума, покорность перед потусторонней силой, которая одна только способна раскрыть человеку «таинства природы», готовность сбросить бремя жизни и уйти в небытие, ибо жалок удел человека.

В последних словах его гордая радость творца, мудрого обновителя жизни, борца, личное счастье которого в счастье народа. Гордый торжеством своего разума и воли, Фауст

освободился от своих сомнений, осознал, что жизнь полна смысла и цели что счастье в достижении этой цели, в радости для всех:

Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земнойё
Лишь тот достоин жизни и свободы.
Кто каждый день за них идет на бой!
Вся жизнь в борьбе, суровой непрерывной,
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно, ты продлись, постой!
И не смело б веков теченье
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой!

В «Сцене из «Фауста» у Пушкина нет речи о всех этих столь характерных для гетевского Фауста настроениях. Основной мотив в «Сцене»

Пушкина - скука, разочарование. Фауст Гёте идет того мига счастья, когда он воскликнет:

Мгновение, прекрасно ты, продлись, постой!

Фауст Пушкина томится потому, что все его желания давно исполнены. Ему не ведомо больше ни одно желание, исполнение которого могло бы увлечь и на миг заставить забыть скуку жизни.

Хитрый всезнающий Мефистофель у Гёте со спокойной уверенностью говорит:

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
дивный ряд картин чудесных
Не будет сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье, -
Все, все тебе доставлю в дар!

Ни песни отправлялся в своей трактовке Фауста от этого шедевра, игнорируя до гетевские разработки легенде о докторе Фаусте.

«Фауст» Гёте это жажда знаний и жажда счастья, стремление к полному Когда красавица твоя

Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
что размышленье - скуки семья).

Великий тайновед Мефистофель вскрывает источник горечи, пронизывающей размышления, которым Фауст предавался ... «в такое время, когда не думает никто»:

Ты думал: ангел мой послушный, Как видно я тебя желал! Как хитро в деве простодушной Я грозы сердца возмущал! Любви невольной,

бескорыстной Невинно предалась она... Что ж грудь теперь моя полна Тоской и скукой ненавистой?... На жертву прихоти моей Гляжу, упившись наслаждением, С неодолимым отвращеньем...

Тоскующий, разочарованный, пресыщенный герой не находит ни в чем радости, жаждет лишь развлечься и забыться, но отчаивается в возможности последнего. Вечно рефлектирующий, вечно размышляющий, неустанно анализирующий все свои переживания, способный всегда наблюдать со стороны за самим собой, эгоист, чуждый раскаяния, угрозы совести, равнодушны к моральным оценкам, - таким Фауст является в сцене Пушкина.

Уже с самого начала своей трагедии Гёте показывает Фауста прославляющим счастье борьбы и подвига:

О, как завиден жребий благодатный
Того, к лавры заслужил в бою,
С победою встречает смерть свою...

У Пушкинского Фауста мысль о борьбе никогда не возникает. Это опять-таки черта давно разочаровавшегося в социальной борьбе человека, всецело поглощенного личными страстями и переживаниями, погруженного в свое «я». С образом Байрона, в частности с Канфредом -- этим философски углубленным Чайльд-Гарольдом, роднит Фауст Пушкина и его отношение к знанию, к мысли.

Фауста Гёте томит бессилие его мысли, ограниченность его знаний. Он в действии видит к разрешению всех сомнений. Дело оплодотворяет мысль:

Фауста Гёте томит бессилие его мысли, ограниченность его знаний. Он в действии видит к разрешению всех сомнений. Дело оплодотворяет мысль: Написано: «В начале было слово... Я напишу, что «Мысль - всему начало» - рассуждает вслух Фауст. Но он знает, что и так сказать было бы неверно: мысль сама по себе творит и действовать не может. Она не первоисточник. Фауст по этому продолжает:

«Не Сила ни начало всех начал?
Пишу, - и вновь я колебаться стал,
И вновь сомнение душу мне тревожит.
Но свет блеснул, - и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!

Фауст Пушкина свободен от мук незнания. Он пресыщен знанием, не давшим ему не радости, ни счастья. Опыт привел его по существу к убеждению в справедливости слов Экклезиаста: «Больше знаний - больше скорби».

В глубоком знанье жизни нет, -Я проклял знаний ложный свет... - вызывают в памяти горькие слова Манфреда: «Философия самая пустая из всех сует, бессодержательное только слово, лишь термин школьный». Точно так же разочарование Пушкинского Фауста в славе и в «мирской чести» кажется родственным разочарованиям Манфреда, который:

Стремился в юности к высоким целям,
Дух человечества хотел усвоить,
Стать просветителем народов, вверх
Подняться, к тем что пасть, быть может...

И все же Фауст Пушкина - это дальнейшее развитие опыта Фауста Гёте.

Пушкин создал новую страницу истории доктора Фауста. Кризис Фауста у него по-особенному заострен. И у Гёте Фауст в плену у Мефистофеля переживает моменты глубочайшего разочарования, тоски и скуки, погружен в эгоистические переживания. Дело не в том, что Гёте недостаточно полно обрисовал момент такого кризиса Фауста, а Пушкин дополнил Гёте. Значение «Сцены» Пушкина в характере раскрытия самого кризиса. В ней Фауст обогащен опытом Манфреда и Каина. Это-Фауст, - познавший все муки разочарования и весь ужас опустошенности современников Байрона и Пушкина. Так, у Пушкина углубляется кризис Фауста и выражается с наибольшей полнотой.

«Фауст» Гёте говорил о больших победах рационализма, просвещения, немецкой критической философии, всей современной Гёте науки. Фауст заканчивает свой жизненный путь торжеством веры и человеческого творчества и в счастье человечества, достигнутое в результате этого творчества. Если основным для всех эпохи Гёте было не столько сомнение в достигнутом, сколько стремление к обновлению мира, то основным, для эпохи, когда складывался Пушкин, а тем более для дней, когда Пушкин писал «Сцену из Фауста», было именно разочарование, пессимизм, новаторство. Это разочарование породило на западе Байронизм, всю литературу мировой скорби, сделав психическим явлением действительности опустошенного, скучающего, эгоистически-индивидуалистического человека.

Фауст принадлежит к тем, кто в самом кризисе найдет в последствии «источник высшего, чем когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни». Он не погибнет под тяжестью этого кризиса. .

Близок Пушкинскому Фаусту и Евгений Онегин. Как Фауст, Евгений Онегин мог бы пожаловаться Мефистофелю: «Мне скучно, бес». Мефистофель при этом оказался бы столь же бессильным развлечь Онегина, доставить ему минуту радости, как он бессилён освободить Фауста от скуки.

Но известно, с какой беспощадностью Пушкин изобличал эгоизм и разочарование Онегина и как заставил его признать моральную высоту Татьяны, склонится перед её высоким чувством долга и чести. «Цыганы», «Евгений Онегин» высшие из русской действительности являются не только изобличением пороков русского «сына века», но и опровержением «байронизма», всей литературы «мировой скорби».

Образ Онегина, или, вернее, те его черты, которые Пушкин считал типичными для эпохи, был воспроизведен через 3 года после окончания романа. Томский, танцующий на балу с Лизаветой Ивановной, характеризует Германа как «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». Напомнил он Наполеона и Лизавете Ивановне, когда

«сидел на окошка сложа руки и грозно нахмурившись». Это все тот же байронический комплекс поддержанный сравнением с Наполеоном и Мефистофелем. Он из тех, кто почитает «всех нулями, а единицами себя», для него «двуногих тварей миллионы» являются лишь орудием для достижения своих личных целей. Его типичный путь кончается приблизительно так же, как Онегина: он оказывается убийцей, причиняет несчастье любимой его девушке и терпит крушение в своем стремлении к счастью.

В «Цыганах», в «Евгении Онегина», в «Пиковой Даме» изображение болезней эпохи и изобличение роковых пороков тех, кто отдает себя во власть этих недугов. В «Сцене» показан Фауст в тот же момент, когда он отдаст роковую дань этим старшим недугам своей эпохи. Фауст не знает счастья, его радости всегда отравлены, потому что он ищет счастье только для себя, а не для мира. Фауст опустился до уровня тех, кого Пушкин так осудил словами: «Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно».

Вот почему он мог лишь прийти к убеждению, что если и надо что-нибудь сделать, то «все утопить», ибо все новое, что привез с собой корабль истории из своего великого плавания, это -..

...мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь ...

В ноябре 1825 г., когда была создана «Сцена из «Фауста», Пушкин начинает писать «Пророка», который полон социальных страстей, который чужд скуки и разочарования. «Пророк» - «духовной жаждою томим». Фауст, для которого «скука отдохновения души», мог бы про себя сказать слова пророка:

Как труп, в пустыне я лежал...

Но Фауст не способен больше услышать призыва к возрождению. Он может выйти из своего равнодушия только для того, чтобы приказать: «Все утопить». Других слов его «уста замерзшие» уже произнести не могут.

Пророк же услышав «бога глас» оживает, воспринимает его зов.

Восстань пророк, и виждь и внемли,

Исполнись волей моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей.

В «подвиге благородном» единственно возможный путь к возрождению.

Через год после «Пророка» Пушкин еще раз в стихотворении «Ангел» расскажет о встрече с демоном, Мефистофелем. Демон искушал и заражал своим «хладном ядом» юность, для которой «были новы все впечатленья бытия». Своим нигилизмом, тем, что «ничего во всей природе благословить он не хотел», он отравлял «чаем надежд и наслаждений тоской внезапной». Иная сейчас была встреча:

Дух отрицанья, дух сомненья

На духа чистого взирал

И жар невольный к миленья

Впервые смутно признавал,

«Прости, - он рек, - тебя я видел,

И ты не даром мне сиял:

Но все я небе ненавидел,

Но все я в мире призирал».

«Дух чистый» заставил «дух отрицанья», дух сомненья
отказываться от всеобщего отрицанья

3.3 Влияние Западной цивилизации на конкретного человека (на примере романа в стихах «Евгений Онегин»)

Русский философ, современник Пушкина, Н. Я. Данилевский в своей работе «Россия и Запад» отметил, что для его поколения характерно подражание Западу, он даже дал этой «болезни» название – «европейничанье». Несомненно, таким пороком страдали и многие герои литературных произведений Золотого века. Роман в стихах “Евгений Онегин”, пожалуй, можно считать самой яркой и достоверной иллюстрацией этого явления в жизни русского общества того периода. Мы видим, как бессмысленное и бездумное подражание европейским порядкам, доходящее иногда до крайней степени рафинированности и утонченности, оставляло в самом этом обществе некий горький привкус, неприятный осадок, тягостное ощущение пустой забавы, бесплодного и праздного времяпровождения, бесцельного удовлетворения своих желаний или амбиций.

В первой же главе пушкинского «Евгения Онегина» замечаем, что главный герой – “мод воспитанник примерный”:

.....мой Евгений
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,

Что он умен и очень мил.

Конечно, в последних строках прослеживается некоторая ирония Александра Сергеевича по отношению к светскому обществу. Далее мы узнаем о внутреннем мире Евгения:

Недуг, которому причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава Богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
Как Child-Harold, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Не милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

Такая вот душевная пустота у «философа в осьмнадцать лет» и глубокого эконома, как иронично называет его Пушкин. Получив в наследство от дяди поместье, Онегин едет в деревню, однако стать хорошим хозяином он не смог. Зато

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!

“Преодолеть тоскующую лень” ему на время помогает дружба с Ленским и романтические отношения с Татьяной Лариной, доброй и чистой душой русской девушкой, полюбившей его. Однако Евгений, “в любви считаясь инвалидом”, глух к ее душевным переживаниям, он пресыщен любовными интригами, в которых был большой знаток. Татьяна замечает, что Онегин не принимает русской культуры, ему чужды русские песни, обычаи:

Но, говорят, Вы нелюдим;
В глуши, в деревне все Вам скучно,
А мы... ничем мы не блещим,
Хоть Вам и рады простодушно.

Простые дочери помещиков – такие, как Татьяна и Ольга, ему недостаточно интересны по сравнению со светскими, столичными красавицами. Светское общество погубило в герое такие человеческие качества, как сострадание и дружба. Безответственное поведение Евгения среди доверчивых и милых русских людей приводит к трагическому поединку между Онегиным и его другом Ленским. Потом начинаются странствия без цели и без трудов, но мятежная душа приводит героя обратно на родину. И вот впервые его эгоизм был наказан отказом Татьяны жить по светским законам, столь понятным Онегину. Пушкин гениально показал в лице Онегина, как развращает “бездействие досуга” молодого человека, которому не приходится трудиться ради хлеба насущного.

Однако любой человек имеет в жизни свое предназначение, то единственное, с которым он столкнется в конце концов. Из незаконченных глав романа в стихах мы можем заключить, что Онегин вступил в ряды мятежников – декабристов. Однако Пушкин так характеризует это движение, которое привело к созданию сети тайных обществ и закончилось провальным мятежом на Сенатской площади и дальнейшим расколом общества:

Безделье молодых умов,

Забавы взрослых шалунов.

Действительно, лучше не скажешь. А ведь среди декабристов у Пушкина было немало друзей, но его симпатии не могли быть на стороне людей, создававших идеи государственного переустройства России на французском языке и совершенно не знавших нужд и чаяний простого народа, с которым поэта связала судьба.

Пушкин же, получив прекрасное европейское образование, принимал и понимал и прелесть деревенской жизни, и красоту русской природы. Он и сам был искушен в вопросах светской игры, но ценил природную наивность, искренность деревенских барышень и простолюдинок. Он был порой язвительным в оценках и светского общества, и привычек и быта так называемого простого народа, но он никогда не был злым. Его пером руководили любовь к России прежде всего и ум государственного мужа.

Столь же нелюбезно описывал современное ему молодое поколение Иван Аксаков, болезненно переживая его пустоту и бесплодность, его оторванность от реальности. Временами его самокритика становилась просто беспощадной:

Тоска!.. Исполненный томленья,

Мир жаждет, жаждет обновленья,

Его не тешит жизни пир!

Дряхлея, мучится и стынет...

Когда ж спасение нахлынет,

И ветхий освежится мир?

Кажется, только катастрофы вселенского масштаба стряхивали лень и душевное томление с душ, взывая к патриотическим чувствам, которые, кажется, были единственным звеном, объединяющим общество.

«Пушкинская картина мира - это русская картина мира, - пишет литературовед В.С. Непомнящий, - весь жанр и вся структура романа как нельзя более ярко демонстрируют национальную суть восприятия абсолютного — тот первоэлемент этого восприятия, в котором главное — личное... переживание отношений с абсолютным. В картине мира, опирающейся на такое восприятие, нет ничего от однозначного результата, в ней все — процесс; контуры ее несколько размыты («Онегина» воздушная громада», — сказала Ахматова), но вовсе не от неясности; они размыты оттого, что сохраняют связи с «тайнами бытия»...» Суть здесь не в стремлении проникнуть в смысл бытия, суть в том, чтобы проникнуться этим смыслом.

«Евгений Онегин» писался Пушкиным около 8 лет, выходя в свет отдельными главами, по мере их создания. В связи с этим большинство критиков того времени считало, что поэт прихотливо и капризно, без всякой предварительной перспективы, пишет главу за главой своего «Онегина» в тоне легкой «болтовни» - стремительного и непринужденного перехода от темы к теме. Мы действительно можем считать это одной из бросающихся в глаза стиливых примет пушкинского романа в стихах, соглашаясь с исследователем Ю.М. Лотманом, который справедливо писал: «Болтовня» - сознательная ориентация на повествование, которое воспринималось бы читателем как непринужденный, непосредственный нелитературный рассказ, - определила поиски новаторского построения поэтической интонации в «Онегине». Можно говорить о том, что устная речь в романе имитируется средствами письменного литературного повествования. По наблюдению Ю.М. Лотмана, «такая имитация создавала в читательском восприятии эффект непосредственного присутствия, что резко повышало степень соучастия и доверия читателя по отношению к тексту». В тексте романа есть конструкции, заимствованные из живой každодневной речи. «Иллюзия

разговорных интонаций» (Ю.М. Лотман) действительно способствует художественному воссозданию действительности.

Пушкин в VIII главе замечал, что, начиная работу, он «сквозь магический кристалл»... «даль свободного романа» «еще не ясно различал» (V, 191). Действительно, многое в будущем содержании «Евгения Онегина» с самого начала не было, да и не могло быть еще ясно Пушкину. Ведь замысел этого новаторского произведения заключался в том, чтобы правдиво показать и раскрыть образ и судьбу героя времени, представителя данной исторической эпохи, олицетворяющего, сосредоточивающего в себе основные черты пушкинской эпохи. А «зеркалом», «энциклопедией» эпохи и должен был явиться пушкинский «роман в стихах». Отсюда особая динамичность этого произведения. Ведь содержание его росло и развивалось вместе (или почти одновременно) с развитием общества и самого автора.

Но именно наличие в произведении Пушкина с самого начала работы над ним четко осознанного замысла позволило поэту сделать из «собрания пестрых глав» целостное произведение. Общая художественная концепция романа существовала у поэта уже в начале его работы над «Евгением Онегиным». В строках I главы: «Я думал уж о форме плана, И как героя назову» (Пушкин V, 35) мы видим явное подтверждение тому, какое большое значение придавал Пушкин образно-творческой идее произведения.

Вся напряженная духовная жизнь поэта была посвящена роману. Но в посвящении П.А. Плетневу он пишет:

Не мысля гордый свет забавить,

Вниманье дружбы возлюбя,

Хотел бы я тебе представить

Залог достойнее тебя...

То есть Пушкин так высоко ценит дружбу, что и этого подарка мало. А «Онегин» - это вся его жизнь:

Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Действительно, по словам Н.Н. Скатова, «создание «Онегина» - это... подвиг как подвижничество. Семь лет неустанного, напряженнейшего труда для того, чтобы достичь иллюзии его полного отсутствия». Поэт настойчиво стремится создать впечатление о небрежности исполнения «собрания пестрых глав». А между тем по окончании романа в стихотворении «Труд» (1830) сам Пушкин скажет: «мой труд многолетний», а не «небрежный плод моих забав». Откуда такое противоречие? Можно объяснить его лишь тем, что, учитывая свободу поэтического выражения и вместе с тем стремление автора охватить современную ему действительность с ее типическими чертами, в самооценке Пушкина сопрягаются понятия «свободный роман» и «онтологический роман».

Посвящение П.А. Плетневу появилось в печати в начале 1828 г. вместе с IV и V главами романа. Главы готовились к печати в те горестные месяцы, когда все мысли поэта занимала трагедия декабря 1825 г. И именно в это время появляются строки о «горестных заметах сердца». Посвящение последовало за III главой с ее всем известным письмом Татьяны, в котором прозвучали такие слова: «Но так и быть! Судьбу мою Отныне я тебе вручаю...» Легко предположить, что у читателей романа, ожидавших продолжения, были в памяти эти строки. В таком случае, внимательному

читателю не могли не броситься в глаза строки посвящения: «Но так и быть – рукой пристрастной Прими собранье пестрых глав...»

И.С. Збарский полагает, что Пушкин «с его абсолютным поэтическим слухом» не мог не заметить этого самоцитирования. Оно не было случайным. «Это было намеренной подсказкой поэта: нет, не просто собранье пестрых глав, не небрежный плод забав перед тобой, читатель: судьбу мою отныне я тебе вручаю. Яснее сказать поэт не мог».

Духовное и поэтическое развитие поэта, его настроения, радости и печали, его постоянная связь с поколением, обществом, Россией, историей, – все отразилось в романе «Евгений Онегин». «О чем бы ни рассказывал поэт – о светской ли жизни своего разочарованного героя, о печальной ли судьбе «милрой Тани», о восторженном ли поэте Ленском, Ольге, старушке ли няне... - всегда мы слышим его личный голос, биение его сердца» , - писал К.В. Мочульский. И все же, несмотря на разнообразие материала, который вошел в роман, он един, закончен и открыт в жизнь, в нем есть гармония с ее стремлением охватить все, даже «невыразимое». Это подтверждает высказывание Н.Н. Скатова, справедливо считающего роман «Евгений Онегин» вершиной творческого пути поэта: «Если видеть в пушкинском творчестве воплощенную гармонию, то прежде всего это «Евгений Онегин» . Многие современные исследователи отмечают «соединение сложности и простоты, божественного и земного, гармонии и красоты, выраженных в совершенной художественной форме» как «суть пушкинской эстетики» .

Энциклопедизм романа в стихах состоит в умении поэта описывать любое явление несколькими чертами. В.С. Непомнящий справедливо пишет: «Роман «Евгений Онегин» – не только и не столько «энциклопедия» жизни России в первой трети XIX века, сколько русская картина мира: в ней воплощены... представления о мире, жизни, любви, совести, правде, которые выстраданы Россией, всем ее огромным опытом, историческим и духовным,

ее судьбой и верой. «Евгения Онегина» можно назвать поэтому первым русским «проблемным романом»: на его протяжении Пушкин ставит и решает для себя – и для нас – проблему человека».

3.4 Москва и Петербург как живая история и поэтические образы, составляющие русский мир.

Пушкин реализовал себя в романе «Евгений Онегин» не только как человек, поэт, философ и психолог, но и как историк. Он пытался понять, как историческая закономерность воплощается в современной ему России. Вслед за В.С. Непомнящим скажем, что «роман «Евгений Онегин» - не только о любви, но и о судьбах России... ибо дело коснулось судеб России и русского человека, а это - проблема всемирно-исторического масштаба».

Академик Д.С. Лихачев, рассматривая проблемы, обозначенные им как «историческая миссия России» и «Москва – Третий Рим», писал: «Россия расположена на огромном пространстве, объединяющем различные народы... Историческая миссия России определяется... тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов... Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Не случайно расцвет русской культуры в XVIII и XIX вв. совершился на многонациональной почве в Москве».

VII главу «Евгения Онегина» можно назвать «московской». Одним из эпиграфов к ней служат строки поэта М.А. Дмитриева:

Москва, России дочь любима,

Где равную тебе сыскать?

Е.А. Баратынского: «Как не любить родной Москвы?» и А.С. Грибоедова (из комедии «Горе от ума»).

Примечательно, что первые же строки, в которых упоминается о приезде Татьяны в Москву, связаны с христианскими храмами, сияние золотых куполов и крестов которых видно еще до въезда в город:

Но вот уж близко. Перед ними

Уж белокаменной Москвы,

Как жар, крестами золотыми

Горят старинные главы...

Эпитет «белокаменная», который поэт дает Москве, придает строфе торжественное звучание, а упоминание о «главах», которые «как жар... горят», вызывают в памяти образы богатырей в «Сказке о царе Салтане...». Так христианские образы приобретают эпическое и «сказочное» звучание.

Ах, братцы! как я был доволен,

Когда церковей и колоколен,

Садов, чертогов полукруг

Открылся предо мною вдруг!..

В VII главе сказались и воспоминания Пушкина о детстве, и новые впечатления поэта, вернувшегося в 1826 г. в Москву из михайловской ссылки. Простое и непосредственное обращение к читателям («Ах, братцы!..») помогает понять овладевающие поэтом глубоко личные чувства, близкие каждому. Пушкин передает свое восхищение обликом Москвы, но вспоминает и о расставании с ней, о странствиях, в которых мысленно он всегда был с родным городом:

Как часто в горестной разлуке,

В моей блуждающей судьбе,

Москва, я думал о тебе!

Москва... как много в этом звуке

Для сердца русского слилось!

Как много в нем отозвалось!

Москва – предмет постоянных дум и гордости поэта, истинно русского человека. По мысли Н.И. Михайловой, «то, о чем говорит Пушкин, - больше, чем любовь: это Россия, это Родина. Поэтому и кончается строфа словами о том, как много для русского человека значит само слово «Москва», как много для русского сердца отзывается в нем».

Московский Кремль, его храмы, колокола для Пушкина связаны с важнейшими историческими событиями, с кризисными временами в истории России. Великий город пережил немало смут, испытаний, одно из которых – Отечественная война 1812 г. Гордая, независимая Москва предстает перед читателем:

Напрасно ждал Наполеон,

Последним счастьем упоенный,

Москвы коленопреклоненной

С ключами старого Кремля:

Нет, не пошла Москва моя

К нему с повинной головою.

Не праздник, не приемный дар,

Она готовила пожар

Нетерпеливому герою...

Москва, поэт с его судьбой, Россия и русский народ с их историей – вот то, что оказалось в маленьком и вместе с тем огромном пространстве онегинской строфы. И, обратившись к историческому прошлому, к его мрачному и гордому свидетелю – «Петровскому замку», Пушкин со свойственной ему живостью мысли переводит взгляд на движение жизни. «Движение» в прямом смысле, потому что бросаются в глаза строки: «Ну! не стой! Пошел!», и «вот уж по Тверской Возок несется чрез ухабы»... И «мелькают мимо будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, Дворцы, сады, монастыри...» (Пушкин V, 156-157).

Ю.М. Лотман обратил внимание на пестроту как особенность «московского пейзажа» в «Евгении Онегине». Он как бы рассыпается на картины, здания, предметы. В Москве есть и мозаика лиц, домашних, светских привычек, исторических примет. Все «мелькающее» (поэтические детали, они же - знаки московской действительности) связано между собой, пестрота передает стихию московской жизни, ее неупорядоченность, смесь величественного и бытового, обычного.

Заметим, что Пушкин точно передает в стихотворном тексте многие московские реалии, что дало возможность Ю.М. Лотману проследить путь приехавшей в Москву Татьяны: «Возок Лариных... через Тверскую заставу едет по московским улицами и переулкам, знакомым Пушкину с детских лет: по Тверской-Ямской, проезжает Триумфальную площадь... мимо Страстного монастыря... по Кузнецкому мосту и Мясницкой улице до Харитоньевского переулка» (тетка Татьяны живет «у Харитонья в переулке»).

Внешнее, в быстром и в то же время точном наброске улиц, пересекается с внутренним – с диалогами кумушек, с наивным удивлением родни, знакомыми лицами. Читатель также видит их глазами героини:

У тетушки княжны Елены

Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп...

Интересна мысль Н.И. Михайловой: «Пушкин создает собирательный портрет московского общества в духе комедии Грибоедова «Горе от ума». Но, разумеется, этот стиль изображения жителей Москвы, напоминающий грибоедовский, - лишь одна из граней ее образа в «Евгении Онегине». Кроме того, здесь Пушкин явно не ставит своей целью обличительно-язвительное осмеяние. Перед читателем предстает гостеприимная старина, в которой много смешного и в то же время органичного, истинно русского, глубоко поэтичного. Недаром юных родственниц Татьяны, которые «дружатся с ней, к себе ведут», Пушкин именует «младыми грациями Москвы».

Москва для героини Пушкина – это и театральная Москва, «где Терпсихоре лишь одной Дивится зритель молодой» (V, 162), Москва балов и развлечений, которая холодно принимает скромную провинциалку:

Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков,
Из лож и кресельных рядов...

Что касается отчуждения Татьяны, ее неприятия гостиных с «архивными юношами», с любопытными сочувствующими («К ней как-то Вяземский подсел И душу ей занять успел...») (Пушкин V, 161)), это, скорее

всего, не означает авторского отрицания. Можно сказать, что Москва для героини – это своеобразное испытание, которое неизбежно при переходе из прошлого в новую жизнь. Именно на московском балу решается судьба Татьяны, которая становится избранницей «важного генерала». Две последние строфы «московской главы» «Онегина» позволяют увидеть, что судьба героини предрешена:

Но здесь с победою поздравим

Татьяну милую мою

И в сторону свой путь направим,

Чтоб не забыть, о ком пою...

Москва не так аристократична, как блестящий светский Петербург, в ней много «домашнего», купеческого, все «на старый образец», но в то же время она доступна «благому просвещенью». Как мы можем заметить, в VII главе сливаются воедино два разных облика Москвы: перед нами предстает Москва историческая и Москва бытовая. И ее онтологические начала постоянны в размышлениях автора.

Образ Петербурга в творчестве Пушкина в целом и в «Евгении Онегине» в частности имеет большое художественное значение. Это место действия первой и последней глав основного текста романа «Евгений Онегин», родина главного героя, и именно там, по выражению исследователя В.С. Непомнящего, совершается «большое и драматическое событие — онегинская хандра».

Как ни парадоксально, образ Петербурга создавался вдали от «берегов Невы», поскольку I глава романа была написана в Одессе (9,28 мая – 22 октября 1823), VIII глава – в Болдине (24 декабря 1829 – 25 сентября 1830) и в Царском Селе (письмо Онегина к Татьяне).

Петербург - это «северная столица... город, ставший средоточием и символом... «петербургского» периода русской истории, драматическую роль которого в судьбах России осмысляет автор «Евгения Онегина» . Зададимся вопросом: нужно ли рассматривать величественный город на Неве как полную противоположность «патриархальной» Москве? Или же эти два поэтических образа – две стороны русской жизни, в каждом из которых объединяются национальное русское и европейское начала? Мы считаем возможным согласиться с мнением Н.А. Казаковой: «Петербург в «Евгении Онегине» сопоставлен с Москвой и в то же время противопоставлен ей; две столицы предстают в романе в сложном диалектическом единстве: здесь сталкиваются старое и новое, Запад и Восток, отечественное и мировое» . Петербург является средоточием европейских ценностей, однако в Москве воплощаются ценности национальные: оба города имеют равные основания считаться столицей России.

Петербург с полным правом можно считать «окном в Европу». В романе реализовался «гигантский диалог между русской и западной культурой, развернувшийся на протяжении XVII-XIX веков». В связи с этим вспомним, как уже в I главе перед тем, как описать кабинет в петербургском доме Онегина, автор как бы мельком замечает, что в нем было

Все, чем для прихоти обильной

Торгует Лондон щепетильный

И по Балтийским волнам

За лес и сало возит нам,

Все, что в Париже вкус голодный,

Полезный промысел избрав,

Изобретает для забав,

Для роскоши, для неги модной...

В этих строках, несмотря на их кажущуюся «поверхностность», на самом деле прослеживается широта пушкинского обобщения, так как вызывает в воображении читателя целую цепь ассоциаций и образов.

Если обратить внимание на пушкинский принцип изображения облика Петербурга, то этот облик открывается читателю постепенно. Мы видим «балтические волны», невские берега, бульвар, Невский проспект, Мильонную, Летний сад, Охту, Царское Село... Автор любит неповторимыми белыми ночами северной столицы (воспетыми им позже и в петербургской поэме «Медный всадник»), которые неизменно пробуждают в нем воспоминания:

Как часто летнею порою,

Когда прозрачно и светло

Ночное небо над Невою

И вод веселое стекло

Не отражает лик Дианы,

Вспомня прежних лет романы,

Вспомня прежнюю любовь,

Чувствительны, беспечны вновь,

Дыханьем ночи благосклонной

Безмолвно упивались мы!..

Полнокровная жизнь в столице не замирает ни на минуту:

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас.

Здесь уже не возникает ощущения «мелькания», как при описании Москвы, - напротив, на некоторых фрагментах движущейся картины, которая показывает горожан, занятых обычными утренними делами, взор поэта ненадолго останавливается.

И, конечно, еще одна сторона многогранного образа Петербурга в пушкинском художественном мире – большой свет. Город предстает перед нами «неугомонным», шумным, многоцветным, праздничным. Оживленное движение экипажей, сверкание бальных зал, гром музыки – вихрь петербургской великосветской жизни затягивает. И в ее кружении, по словам автора, «на разные забавы Я много жизни погубил! Но если б не страдали нравы, Я балы б до сих пор любил» (Пушкин V, 22). Еще в первой главе, едва начав описывать петербургский бал:

Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергардов шпоры;
Летают ножки милых дам... -

он бросил описывать его не из-за «ножек», якобы совлекших его с романного пути, а потому, что «музыка уж греметь устала» - та «музыка», которая своим триумфальным грохотом сопровождала казавшуюся блестящей и ослепительной, но оказавшуюся ослепляющей светскую круговерть героя, от которой он и сам устал: «Ему наскучил света шум...» (Пушкин V, 26) .

Петербургский свет конца 1810-х годов в изображении Пушкина, как можно заметить, очень во многом отличается от московского. Именно в это время «происходят кардинальные перемены в типологии поведения светского молодого человека. Изысканное остроумие и культ парижской моды... становится архаичным и остается принадлежностью Москвы». Что касается Петербурга, то можно заметить, что там складывается новый тип светского человека - «модного тирана», «dandy», ориентированного на английскую моду с ее небрежностью. По мысли Ю.М. Лотмана, в связи с образом денди «сюжет первой главы может быть осмыслен как «день щеголя» - сатирическая картина жизни петербургского света».

В VIII главе «Пушкин противопоставляет... «спокойную гордость» и хороший тон (*comme il faut*) родовой аристократии суетной вульгарности (*vulgar*) «новейших россиян». Описывая званый вечер в петербургском доме Татьяны, автор выделяет в свете тесный круг дворянской элиты, принадлежащей не только к аристократии крови, но и к аристократии духа.

Москва и Петербург для поэта - это живая история и поэтические образы. Эти русские города с их органичным сочетанием старого и нового, русского и европейского с полным правом можно считать составляющими русского мира. Это о них Пушкин говорит с любовью и гордостью, это о них все мысли поэта и его надежды, связанные с ними. В этой связи интересной и глубокой представляется мысль Ю.М. Лотмана о том, что «молодая русская цивилизация... противопоставляется старой западноевропейской как способная осуществить то, что задумал, но не осуществил Запад».

Мы считаем возможным согласиться с Н.А. Казаковой, которая высказывает мысль об особом значении образов Москвы и Петербурга в романе и об их связи с героями романа: «Символический смысл... приобретает то обстоятельство, что Онегин родился «на берегах Невы», а Татьяна, скорее всего, в Москве; взаимоотношения героев опосредованно отражают пушкинский поиск соединения общечеловеческих и национальных идеалов». Наконец, с полным основанием можно утверждать, что облик двух великих русских столиц подсказывал Пушкину видение всей России.

Заключение

Феномен Пушкина знаменует собой завершение «длинного пути, пройденного русской поэзией XIX века», и именно его мастерство замкнуло собой «блестящий период русской поэзии, начатый Ломоносовым и Тредьяковским». В своем поэтическом развитии Пушкин вобрал в себя поэтические традиции XVIII века и создал свой «высокий, классический в своей уравновешенности и кажущейся легкости канон». Но для русского народа Пушкин остается не только достоянием истории, но и живым явлением. Конечно, гений всегда является в определенной степени национальным мифом, то есть выражением знаний и представлений народа о бытии, но в целом он - «конкретная личность... личность живого человека, к которому и с которым у каждого могут быть, как в жизни, свои личные отношения».

Пушкин решительно выделяется из всей литературы европейского Нового времени, насчитывающей тысячелетие. Однако, как справедливо утверждает П.В. Палиевский, «с точки зрения западного наблюдателя центральное положение Пушкина в классической русской литературе не всегда заметно». Да и сам о себе поэт говорил: «Бывало, что ни напишу, Все для других не Русью пахнет» («Дельвигу», 1821). Но нам известно страстное, очень личное высказывание Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Его мысль и чувство всеобъемлющи - как у Данте, Шекспира, Гете.

В том, что Пушкин был одновременно величайшим русским писателем и абсолютным европейцем, равным высшим проявлениям европейского духа, возможно, заключается одна из его тайн. Критик и философ С.Л. Франк обоснованно утверждал, что «Пушкин... чувствовал себя равноправным по отношению и к Данте, и к Гете, и к Шекспиру, не стесняясь учиться у них, ибо верил в себя».

Поэзия Пушкина прежде всего глубоко национальна и народна, потому что она служит всесторонним отражением полноты русской жизни. И в то же время, как утверждал соратник Гете Фарнгаген фон Энзе, «Пушкину равно родственны Юг и Север, Европа и Азия, дикость и утонченность, древнее и новейшее». Эту важную особенность творчества Пушкина Достоевский обозначил как «всемирная отзывчивость». Выразив во всей полноте «тайну русского духа», Пушкин во многом оказался для России школой мировой духовной жизни. «Пушкин – это Россия, выраженная в слове, – такова глубокая и точная мысль В.С. Непомнящего. – С его появлением страна заговорила на своем языке. И тогда, словно по волшебству, возникла... литература, одним гигантским шагом оказавшаяся в авангарде духовных устремлений человечества». «Русский европеец» Пушкин с присущим ему человеческим и национальным достоинством открыл новый путь для русской литературы – тот путь, который вывел ее к вершинам мировой культуры, определил в этой культуре ее самобытное, самостоятельное место.

В ходе своей духовной эволюции Пушкин обретал собственное гармоничное и философское видение мира. В.С. Непомнящий справедливо пишет, что главное в пушкинском восприятии мира – «личное, непосредственное... переживание отношений с абсолютным – переживание чрезвычайно напряженное... но в глубинах хранящее покой и равномерность сосредоточенного сердечного созерцания». В художественном мире Пушкина главной ценностью является человек. И этот мир, несмотря на его трагизм, светел, а не мрачен: истина художественного мира Пушкина есть «солнце этого мира».

Выдающееся место в творчестве Пушкина занимает роман «Евгений Онегин» - произведение в высшей степени совершенное, поистине необъятное по глубине своего содержания и верному отражению действительности, которая не только онтологически и исторически широко показана в романе, но каждый ее факт превращен автором в явление

искусства. Созданная Пушкиным картина русского мира предстает как процесс его собственной внутренней жизни: по выражению С.Г. Бочарова, «эпос героев» охвачен «образом авторского сознания», что в жанровом отношении представляет собой единство эпоса и лирики. Поэтому закономерно, что именно роман в стихах с его динамикой, открытостью в жизнь, роман, в котором автор поистине достиг «божественной свободы», стал отражением пушкинского видения мира и человека. Сама форма свободного повествования, заново открытая в контексте русской культуры, во многом определила «лицо» русского романа и произведений эпических форм, близких к роману. В традициях свободно-универсального повествования создавались и «Мертвые души» Н.В. Гоголя, и эпос Толстого и Достоевского, и «Поэма без героя» А. Ахматовой. От «Евгения Онегина» в будущее идут типы, показанные Пушкиным в романе. Татьяна предстает как «идеал русской женщины, т.е. выразительница национальных устоев», как воплощение истинной любви и глубокой веры, как великая тайна, соразмерная с тайной бытия. Самые известные литературные герои XIX века, так называемые «лишние люди» - это развитие онегинского типа в новых исторических условиях. Но проблема судьбы русского человека, его исторического предназначения разворачивается в романе «Евгений Онегин» до общечеловеческого, всемирно-исторического масштаба. Пушкин решает эту универсальную проблему, проецируя ее и на свою духовную жизнь, находясь в постоянном диалоге с миром романа и с действительностью, в непрерывном поиске сокровенного и возвышенного идеала. Таким образом, великий поэт сегодня предстает перед нами как феномен русского мира (русский человек с его философско-нравственным взглядом на жизнь) и как субъект русского мира (осмысливающая этот мир личность).

Роман Пушкина «Евгений Онегин» - одно из удивительнейших произведений в русской и мировой литературе. Более чем за полтора века накопилось огромное количество литературы критического и научного

характера, и по сей день роман окружен весьма противоречивыми оценками критиков и литературоведов. В своих трудах такие исследователи, как Г.А. Гуковский, Л.Я. Гинзбург, С.Г. Бочаров, Н.Н. Скатов, И.М. Семенко, Ю.М. Лотман, Ю.Н. Чумаков, В.С. Непомнящий затрагивают важнейшие проблемы места романа в контексте пушкинского творчества, его универсальной нравственной, эстетической, философской ценности, историзма Пушкина. Результаты их исследований не могут не учитываться всеми изучающими «Евгения Онегина» и заинтересованными в глубоком постижении текста романа и личности автора. Однако остается множество вопросов, требующих дальнейшего изучения, а иногда и пересмотра.

Современная филологическая наука подошла к осознанию необходимости целостного научного представления о Пушкине, потребности взглянуть на его творчество с онтологической точки зрения, так как «смысл» и «дух» пушкинского гения, по словам В.С. Непомнящего, «остаются вне методологической досягаемости». Вопрос о «постижении русского национального гения» (Е.П. Чельшев) ставили многие выдающиеся исследователи: Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев. Этот вопрос оказывается в центре внимания современных ученых, таких, как С.Г. Бочаров, В.С. Непомнящий, Ю.Н. Чумаков, В.К. Кантор и других..

Пушкин смотрит на мир и на себя с высоты духовного идеала человека. В своем творении картины мира Пушкин – гуманист. А значит, как справедливо заметил В.С. Непомнящий в своей книге «Пушкин. Русская картина мира», «вопрос о феномене Пушкина вписывается в большой контекст духовных судеб человечества и роли России в них... Слова о Пушкине как русском человеке «чрез двести лет» есть не прорицание, а зов, переданный нам через Гоголя и требующий осмысления сейчас, когда это жизненно необходимо».

На основе проведенных исследований диссертант приходит к следующим выводам:

- Развитию интереса Пушкина к Востоку наряду с особенностями социально-культурной среды, огромную роль сыграли рождение русского востоковедения, укрепление связи со странами Востока, знакомство с публикациями из восточных литератур, в том числе священной книги мусульманской религии Коран, со сказками «Тысяча и одна ночь» и т.д. Определенное влияние, видимо, оказала и его генетическая связь с Африкой в лице И. Ганнибала.

Восточная тема в творчестве А.С. Пушкина была не просто результатом временных «увлечений» поэта, а закономерным процессом, вызванным самой жизнью как внутри России, так и за ее пределами.

- «Виньеточные украшения» для Пушкина - это не проба сил и таланта в поисках выхода на большую восточную тему, это не «увлечение» и «случайность», присущие только лицейско-петербургскому периоду его творчества. Это свидетельство мастерства большого поэта, одним из художественных приемов которого является «виньеточные украшения» в поэтических произведениях.

- Подтвердились высказывания пушкиноведа И.С. Брагинского о том, что Пушкин в Кавказский период жизни еще не полностью освоил восточные приемы описания событий, а чаще пользуется орнаментикой, ограничиваясь введением некоторых «восточных мотивов».

- На основе сопоставительного анализа «Подражаний Корану» Пушкина с соответствующими сурами Корана и мусульманскими преданиями по каждому стиху предлагаются наши собственные замечания. Общий вывод исследования «Подражаний Корану» состоит в том, что поэт в них главное свое внимание уделяет отбору и обобщению нравственных поучений Востока. Отмечено мастерство Пушкина, передавшего в «Подражаниях» не только содержание и дух Корана, но и его

художественное своеобразие, выразившееся в контрастном построении, столкновении противоположных сторон (антитеза), экспрессии, смене тем и интонаций, применении художественных сравнений, гипербол и т.п.

- Анализ стихотворения Пушкина «Пророк» и его сопоставление с Кораном и мусульманскими преданиями позволили сделать вывод о том, что оно полностью построено на учениях Корана и отражает соответствующие мусульманские предания.

- Произведено условное разделение творчества Пушкина-сказочника на этапы: ранний (1814-1824 г.г.), переходный (1825-1830), зрелый (1830-1834). Прослежены особенности каждого этапа: сбор материала, наброски к сказкам, определение их метрической структуры, завершение эстетического поиска и принципов, освоение жанра литературных сказок на рубеже 30-х годов XIX века. Выявлена социальная направленность сказок. Прибегая к этому жанру поэт ищет пути выхода из событий 1831 года (внешнеполитическая напряженность, холерная эпидемия), пытается отвлечься от душевных тревог, находит в них способы самовыражения, в результате чего проблема народности перерастает в проблему Идеала, что отвечало душевным потребностям поэта.

- Рекомендовано осуществлять ознакомление современного читателя с творчеством А.С. Пушкина, разделив его на два основных периода: конец XIX и XX по наше время. Внутри каждого из периодов признано необходимым выделения этапов, соответствующих темпу социального развития общества, выявлено своеобразие и особенности переводческой деятельности поэтов - переводчиков.

- Творчество А.С. Пушкина явилось школой мастерства для поэтов. Их привлекало умение поэта точно передать свои мысли, высокая поэтичность, историческая обусловленность, вера в силу поэтического слова. И сегодня учатся у Пушкина, учатся простоте и конкретности, поэтическому мышлению. Привлекает стремление Пушкина к максимальной идейности и социальной направленности художественного слова и гениальной простоте, поэтической

речи, отказ от всего лишнего, без каких бы то ни было «условных украшений», лаконизму, что характерно и для стиля Рудаки «Саади

Осознание общих закономерностей литературного процесса в ту или иную историческую эпоху немислимо без углубленного анализа наследия отдельных писателей, чье творчество порой определяло развитие целой эпохи. Поэтому характеристика писателей, вписываемых в общую картину литературной эпохи, дает возможность понять историю литературы в ее неповторимых качественных индивидуальных выражениях.

Литература

И.А.Каримов. Узбекистан на пороге Независимости Ташкент 2011

И.А.Каримов. Высокая духовность – непобедимая сила.- Ташкент, 2008.

Государственный образовательный стандарт и активизация учебного процесса программа по русскому языку и литературе для школ с русским языком обучения. – Ташкент, 2010.

Программа по литературе для 5-9 классов школ с русским языком обучения. – Ташкент, 2010.

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т.5. 3-е изд. М., Наука, 1964.
2. Аверинцев С.С. Гете и Пушкин Новый мир, 1999, №6.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953-1959.
4. Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1955.
5. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М., 1964.
6. Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Л., 1989.
7. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., Наука, 1999.
8. Дружинин А.В. Литературная критика. М., Советская Россия, 1983.
9. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., Наука, 1978.
10. Збарский И.С. «Но так и быть...» Пушкинские уроки учителя. Наука 1980.
11. Кантор В.К. Вечно женственное и русская культура/ / Октябрь, 2003, №11.
12. Кантор В.К. Пушкин, или Формула русской истории Вопросы философии, 1999, №7.
13. Кедров К. «Евгений Онегин» в системе образов мировой литературы/ В мире Пушкина. М., 1974.
14. Кожевников В.А. «Вся жизнь, вся душа, вся любовь...»: Перечитывая «Евгения Онегина»: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1993.
15. Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции/Русская интеллигенция. История и судьба. М., Наука, 2001.

16. Кошелев В.А. «Онегина воздушная громада...»: Образ времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Лит. в школе, 2004, №1.
17. Краткая литературная энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1971.
18. Курилов А.С. В.Г. Белинский о мировом значении А.С. Пушкина Русская словесность, 2000, №3.
19. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М., Просвещение, 1988.
20. Лотман Ю.М. «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.
21. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., Наука, 1981.
22. Макогоненко Г.П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М., ГИХЛ, 1968.
23. Недзвецкий В.А. Пушкин как всемирный гений Русская словесность, 1999, №4.
24. А.С.Пушкина Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз, 1982, т.41, №3.
25. Немзер А. «Евгений Онегин» и творческая эволюция Пушкина. Саратов, 1999.
26. Непомнящий В.С. Книга, обращенная к нам: «Евгений Онегин» как «проблемный роман» Москва, 1999, №6.
27. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. В 2-х т. Т.1. М., 2001.
28. Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. Серия «Пушкин в XX веке», вып. VI. М., «Наследие», 1999.
29. Пищулин Н.П., Волосков И.В., Егоров П.А. Философия А.С. Пушкина. М., Жизнь и мысль, 2002.
30. Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1981.
31. Проблемы современного пушкиноведения; Сб. ст. Псков, 1999.
32. Русская интеллигенция. История и судьба/Сост. Т.Б. Князевская. М., Наука, 2001.

33. Селиванова С. Пророчество и указание Москва, 1999, №1.
34. Скатов Н.Н. Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л., 1990.
35. Слонимский А. Мастерство Пушкина. Изд. 2-е. М., 1963.
36. Стенник Ю. Пейзаж в романе «Евгений Онегин» и проблема преемственности национальных поэтических традиций Изв. АН СССР, сер. лит. и яз, 1969, т. 28, вып. 3.
37. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., Наука, 1969.
38. Философский словарь/Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986.
39. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., Согласие, 1999.
40. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
41. Чельшев Е.П. Постигание русского национального гения Москва, 1999, №11.
42. Эйхенбаум Б.М. «Мой современник»: Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. СПб., 2001.
43. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1969.
44. Ярославцева И.П. Русский мир в контексте мировых цивилизаций. М., 2002.
45. Becker C.H., Ubi sunt qui ante nos in mundo fuere. Islamstudien, Leipzig, 1984.
46. Brockelmann C., Geschichte der arabischen Literatur Eraserer supplementband, Leiden, 1987.
47. Брагинский И.С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974.
48. Бонди С. Хроника. – Временник Пушкинской комиссии. Т.2. М.-Л., 1936.
49. Гвахария А.А. Александр Пушкин и Восток. – Гвахария А.А. Очерки из истории грузинско-персидских литературных связей. кн. II. Изд. Тбилисского университета. Тбилиси, 2001 (на грузинском языке).
50. Нольман М.Л. Гипотеза Лахути. Современные выводы из давней дискуссии. – Памир, 1979, №4

51. Пурцеладзе Н.Н. Об одной форме выражения пессимистической рефлексии в арабской поэзии. – Известия АН Грузии, серия языка и литературы 1-4, Тбилиси, 2001.
52. Розенфельд А.З. Об одном крылатом выражении у А.С. Пушкина. – Народы Азии и Африки. 1976, №6.
53. Томашевский Б. Пушкин. кн. I. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956.
54. Белкин Д.И. Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина. М., 1987.
55. Белкина Д.И. Концепция Востока в творчестве Пушкина. Диссертация.
56. Нольман М.П. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа. Л., 1978.
57. Брагинский И.С. «Заметки о пушкинском западно-восточном синтезе». М., 1974.
58. Лобикова Н. М . Пушкин и Восток. М., 1975.
59. Вали Самад. Хофиз ва Пушкин. («Хафиз и Пушкин»). Душанбе. 1978.
60. Айвазян К.В. Путешествие в Арзрум. Ленинград 1978.
61. Гуланян С.А. К вопросу об источниках Гаврилиады. Ростов на Дону. 1982.
62. Макогоненко Г.П Роман Пушкина «Евгений Онегин». М., 1975.
63. Розова В. Пушкин и Гёте М., (1908 г.)
64. Данилевский Н. Я. Россия и Запад Ленинград. 1974.